

Эта свирепая песня

Автор:

Виктория Шваб

Эта свирепая песня

Виктория Шваб

Монстры Истины #1

Загадочный Феномен навсегда изменил этот мир. В супермегаполисе И-Сити, расположенном где-то на территории бывших США, расплодились монстры.

И-Сити поделен пополам. На севере находится территория «большого босса» Келлума Харкера, а на юге – лидера боевиков Генри Флинна. Трое приемных детей стали для Генри настоящим оружием – тинейджер Август, его старший брат Лео и сестра Ильза являются монстрами, похищающими души с помощью музыки.

А у вдовца Келлума Харкера, кроме его чудовищной свиты, есть еще и дочь по имени Кейт. Инфант-террибль Кейт отчаянно жаждет внимания отца. После очередной выходки девушку переводят в новую школу, где оказывается и Август, выполняющий тайную миссию – он должен втереться в доверие к Кейт и снабжать информацией Генри.

Кейт почти сразу догадывается о том, кто такой Август, и хочет преподнести отцу живой подарок.

Но вскоре ситуация кардинально меняется и Кейт вместе с Августом оказываются перед судьбоносным выбором...

Впервые на русском языке!

Виктория Шваб

Эта свирепая песня

«Станным, безумным, чудовищным»

«Многие люди чудовищны, и многие чудовища знают, как изображать из себя людей».

В. А. Вейл

Прелюдия

Кейт

В ту ночь, когда Кейт Харкер решила спалить дотла школьную церковь, она не была ни обозлена, ни пьяна. Она пребывала в отчаянии.

Поджог стал ее последней надеждой. Кейт уже сломала нос одной девушке, курила в спальне, жульничала на первом экзамене и словесно изводила трех монахинь. Но что бы она ни делала, Академия святой Агнессы продолжала прощать нерадивую ученицу.

Вот в чем состоит извечная проблема с католическими учебными заведениями – преподаватели и наставники видели в Кейт заблудшее дитя, которое надлежит спасти.

Но Кейт не требовалось спасение. Она хотела поскорее выбраться отсюда.

Около полуночи кроссовки Кейт впечатались в землю под окном спальни. Ведьмин час – так обычно люди называли это темное время суток, когда неупокоенные души вырывались на волю. Неупокоенные души, да еще девушки-подростки, запертые в школе-пансионе слишком далеко от дома.

Кейт поправила сумку на плече и побежала по ухоженной гравиевой дорожке, ведущей к церкви Креста. Бутылки в сумке позвякивали в такт шагам, будто шпоры. Все емкости были однотипными, кроме марочного вина из личных запасов сестры Мерил – эту бутылочку Кейт держала в руке.

Раздался мелодичный звон колоколов, однако исходил он от храма побольше – как раз от церкви Всех Святых. Она была расположена на другой стороне школьного двора и никогда не оставалась без присмотра – сама мать Алисия, директриса Академии, ночевала в комнатке при церкви. Между прочим, Кейт была не настолько глупа, чтобы сжигать данное сооружение. Кейт не собиралась добавлять к списку своих злодеяний еще и убийство. Оно того не стоило.

Двери меньшей церковки были на замке, но Кейт сумела втихаря украсть ключ, когда ей пришлось торчать на нудной проповеди сестры Мерил про обретение благодати.

Отперев дверь, Кейт переступила через порог и поставила сумку на пол.

Сперва Кейт привыкала к темноте: синие витражные стекла в лунном свете казались почти черными. Дюжина рядов деревянных скамей отделяла Кейт от алтаря, и на мгновение девушка почувствовала угрызения совести. Здесь было, в общем-то, мило, хотя, если честно, эта церковь была не единственной на территории Академии святой Агнессы и даже не самой красивой. Кроме того, монахини вечно твердили девушкам об аскезе и важности жертвы, так что Кейт, если можно так выразиться, выполняла свой ученический долг.

Кейт отождгла до упора – метафорически говоря – в двух интернатах в первый год своего изгнания и застряла в третьей школе, заделавшись там второгодницей. Но, похоже, она никак не могла расплатиться за свои грехи сполна. Ее отец уперся (упрямство у Кейт было наследственным) и продолжал откапывать новые варианты социализации для своей дочери, отбившейся от рук. В четвертой школе – исправительном заведении для трудных подростков – Кейт

продержалась почти год, прежде чем запросила пощады. Пятая (школа для мальчиков) согласилась сделать для Кейт исключение в обмен на солидное пожертвование. Кейт промаялась в ней несколько месяцев.

А затем пришел черед Академии святой Агнессы. Отец наверняка зарезервировал место в этой чертовой дыре при монастыре, потому что Кейт сюда переправили даже без заезда в И-Сити.

Итого: шесть учреждений за пять лет.

Ничего, сейчас у Кейт все получится. Обязательно.

Она присела на корточки, расстегнула сумку и принялась за работу.

После звона колоколов повсюду воцарилась гробовая тишина, и Кейт стало немного неуютно, поэтому, распаковывая сумку, она замурлыкала гимн себе под нос. Две бутылки бренди и практически непочатая бутылка водки (трофеи из коробки с девичьими пожитками, конфискованными монахинями!), три бутылки домашнего красного вина, виски многолетней выдержки из шкафчика матери Алисии и марочное вино сестры Мерил. Неплохой улов!

Кейт выстроила стеклянную тару на скамье в заднем ряду и метнулась к свечам. Рядом с неглубокими плошками находилась и посудина со спичками – старомодными, с длинными деревянными палочками.

Продолжая напевать, Кейт двинулась к импровизированному алкогольному складу. Откупорив бутылки, она методично облила скамейки спиртным, стараясь распределять жидкость равномерно. Виски матери Алисии она приберегла для деревянной кафедры, где лежала Библия. В порыве суеверия Кейт пощадила книгу и выбросила ее через открытую дверь на газон. Когда она вернулась обратно, в нос ударил терпкий запах алкоголя. Кейт закашлялась и сплюнула от появившегося во рту едкого привкуса.

Над алтарем висело массивное распятие, и даже в темноте Кейт почувствовала на себе взгляд изваяния.

«Прости, Отче, ибо я согрешила», – подумала она, чиркнув спичкой о дверную раму.

– Ничего личного, – добавила она вслух, когда спичка загорелась, резко и ярко.

Сначала Кейт просто наблюдала за крохотным оранжевым язычком, но когда спичка обожгла ей пальцы, Кейт швырнула ее на ближайшую скамью. Доски молниеносно вспыхнули и гневно затрещали. Сработало!

Спирт быстро улетучился: через несколько секунд запылали остальные скамейки, а потом и алтарь. Огонь бушевал и, кажется, жил своей собственной жизнью, поглощая древесину.

Кейт стояла и смотрела на пожар, как загипнотизированная, а пламя продолжало пожирать церковь дюйм за дюймом.

В конце концов духота и дым вынудили Кейт выскочить наружу – в ночную прохладу.

«Беги!» – настойчиво произнес голос у нее в голове, но Кейт отмахнулась от этой идеи.

Вместо того чтобы подчиниться инстинктивному импульсу, Кейт села на лавочку на безопасном расстоянии от пожара и принялась болтать ногами.

Прищурившись, она различила на горизонте огни ближайшего города-спутника, Де-Мойна. Старомодное имечко, реликт времен до реконструкции. Таких городов сателлитов, рассеянных по периферии Истины, было около полудюжины, и население каждого едва ли составляло миллион человек. Местным жителям запрещалось их покидать, и они ничем не помогали столице, однако так и было задумано. Никому не хотелось стать добычей монстров. Или Келлума Харкера.

Кейт достала зажигалку – красивую серебристую вещицу, которую мать Алисия конфисковала в первую неделю, – и начала ею щелкать, чтобы занять руки. Когда это не помогло, Кейт вытащила из кармана рубашки «трофейную» сигарету. Она подожгла ее, любовалась на микроскопический голубой огонек,

сделала затяжку и закрыла глаза.

«Где ты, Кейт?» – спросила она себя.

То была игра, в которую Кейт играла с тех пор, как узнала про теорию бесконечных параллелей. Согласно данной теории, путь человека является не линией, а своеобразным деревом, причем любое принятое решение вызывает появление все новых и новых ветвей. Как можно догадаться, в итоге существует уже не одна личность, а множество Кейт Харкер.

Разве не замечательно? Тысяча клонов Кейт – и тысяча разных вселенных!

Возможно, где-то там, в иной реальности, нет и намека на монстров.

И у какой-нибудь Кейт есть отец и мать.

А другая Кейт тоже счастлива и даже никогда не сбежала из дома вместе со своей мамой.

А если и сбежала, то до сих пор живет припеваючи.

Но если существует тысяча вселенных, то сама Кейт подобна молекуле, которая занимает свое законное место. Значит, ей будет легко сделать то, что нужно, хотя в параллельном мире ее версия выбрала что-то иное. Так уж суждено.

Вероятно, та Кейт живет лучше ее, и ей не надо думать о последствиях.

А может, именно она, Кейт, устроившая поджог, и сберегла их всех? Дала своим копиям возможность жить в безопасности и здравом уме.

«Где ты?» – мысленно спросила Кейт.

Лежу в поле. Смотрю в небо.

Ночь теплая. Воздух чистый.

Трава мягкая.

И в темноте не прячутся монстры.

«Как здорово», – подумала Кейт, и вдруг церковь схлопнулась, и в небо взметнулось множество угольков.

Вдали завывали сирены, и Кейт выпрямилась.

И понеслось...

Через минуту девчонки хлынули из спален наружу, а затем появилась мать Алисия в рясе. Огненное зарево пожара окрасило ее щеки в багровый оттенок. Кейт с удовольствием слушала, как почтенная пожилая монахиня сыпала крепкими ругательствами, пока не подоспели пожарные и вой сирен не заглушил остальные звуки.

И у католических школ есть предел терпения.

Час спустя Кейт сидела на заднем сиденье полицейского автомобиля – любезность со стороны Де-Мойна, – сложив руки в наручниках на коленях.

Они неслись сквозь ночь по северо-восточной границе Истины. Прощай, относительно мирная периферия, здравствуй, столица!

Когда коп прибавил скорость, Кейт поерзала на сиденье, пытаясь устроиться поудобнее. Чтобы пересечь Истину, требовалось трое суток, и, по расчетам Кейт, до столицы оставалось добрых четыре часа, но местный полицейский не мог проехать на своей развалюхе через эти места. Автомобиль не был особо укреплен: только металлическая обшивка да УФУ – ультрафиолетовое усиление.

Фары дальнего света изредка выхватывали из тьмы ломкие очертания складских построек.

Костяшки сжатых на руле пальцев полицейского побелели.

Кейт подумала, а не сказать ли ему, чтобы он не волновался: ведь окраины Истины относительно безопасны, поскольку никому из тварей, резвящихся в столице, не захочется тащиться через Пустошь, чтобы добраться до них. Да и незачем: возле И-Сити полно народа, которым можно подкрепиться.

Но коп злобно оглянулся на Кейт, и она решила: пусть трясется.

Она приложила здоровое ухо к кожаной обивке и уставилась в окно.

Дорога впереди была пустой, а ночь непроглядной, и Кейт таращилась на свое отражение в стекле. Странно, но она отчетливо различала светлые волосы, острый подбородок, карие глаза, – но не шрам в виде высыхающей слезинки в уголке глаза и не отметину, которая тянулась вдоль линии роста волос – от виска и до подбородка.

А от церкви Креста в Академии святой Агнессы остались лишь обугленные стены...

Растущая толпа девчонок в пижамах испуганно крестилась и ахала. Николь Тик, которой Кейт недавно сломала нос, самодовольно ухмыльнулась, дескать, хорошо, что Кейт получила по заслугам, хотя Кейт как раз и хотела, чтобы ее поймали.

Мать Алисия вознесла молитву за душу Кейт, когда ее повели прочь из школы.

Прощай, святая Агнесса!

Коп что-то проворчал, но слова рассыпались прежде, чем добрались до нее, и Кейт услышала лишь приглушенные звуки.

– Что? – переспросила Кейт, изображая безразличие, и оторвалась от спинки сиденья.

– Почти приехали, – буркнул полицейский.

Похоже, он рассердился из-за того, что его вынудили везти Кейт в такую даль, вместо того чтобы просто засунуть ее в камеру.

Промелькнул дорожный знак – «235 миль до И-Сити». Они приближались к Пустоши, буферу, лежащему между столицей и другими территориями Истины.

«Крепостной ров, – поняла Кейт, – со своим выводком монстров».

Здесь не было видимой границы, но ощущались некие изменения, как будто рядом была береговая линия, а за ней – океан.

Земля оставалась ровной, но постепенно превращалась в низину.

Последние городишки уступали место бесплодным пространствам, и мир казался пустым и пугающим.

Еще пара болезненно безмолвных миль – коп отказался включать радио, – и монотонность шоссе нарушила боковая дорога.

Патрульная машина свернула именно туда, колеса соскользнули с асфальта на гравий, и автомобиль со скрежетом затормозил.

Когда коп переключился на окаймление и УФУ-лампы образовали светящуюся дугу вокруг машины, в груди Кейт вспыхнуло предвкушение. Они не одни! На обочине возвышался транспортник на холостом ходу, единственными признаками жизни были его УФУ-ходовая часть да негромкий рокот мотора. Круг света от полицейской машины скользнул по тонированным окнам чужака и заблестел на металлическом переплетении, способном послать сто тысяч вольт во все, что подберется слишком близко.

Эту громадину, конечно, специально спроектировали для поездок по Пустоши – и пассажиры транспортника могли не бояться за свою жизнь.

Кейт улыбнулась столь же самодовольно, как и Николь у церкви – одними губами. Не радостная улыбка, но победная. Коп вылез наружу, распахнул дверцу и ухватил Кейт за локоть. Расстегнул ее наручники, ворча что-то про политиков и привилегии. Кейт потеряла запястья.

– Я могу идти?

Коп насупился и скрестил руки на груди. Кейт сочла его жест за утвердительный ответ и двинулась к транспортнику, но неожиданно крутанулась на месте и протянула руку.

– У тебя – моя вещь, – сказала она.

Коп не шелохнулся.

Кейт сощурилась и щелкнула пальцами. Коп мельком покосился на рокоющую махину и выудил из кармана серебристую зажигалку.

Кейт цапнула гладкий металлический прямоугольник и направилась к транспортнику.

– Стерва! – прозвучало ей вслед: здоровое ухо Кейт отлично все уловило.

Но Кейт было наплевать на копа. Она забралась в автомобиль, плюхнулась на кожаное сиденье и прислушалась к шуму отъезжающей полицейской машины.

Водитель трепался по телефону. Он встретился с ней глазами в зеркале заднего вида.

– Да, я ее забрал. Ясно. Да, сейчас.

Он передал мобильник через переборку, и у Кейт, когда она взяла телефон и поднесла его к левому уху, участился пульс.

– Катерина. Оливия. Харкер.

Голос в трубке напоминал низкий раскат грома, от которого дрожит земля. Не громкий, но мощный тембр, требующий уважения и откровенного трепета.

Такие интонации сама Кейт отработывала уже много лет, однако сейчас она невольно поежилась.

– Привет, отец, – произнесла она, стараясь говорить небрежным тоном.

– Ты гордишься собой, Катерина?

Она изучающе взглянула на свои ногти.

– Более-менее.

– Святая Агнесса – шестое заведение, Катерина.

– Хм? – протянула Кейт, изображая рассеянность.

– Шесть школ. За пять лет.

– Монахини заявили – я могу делать, что захочу, если хорошенько подумаю. Или это были учителя в Вайлд-Приоре? Я начинаю терять нить...

– Довольно, – отчеканил отец, и Кейт как будто ударили по лицу. – Так продолжаться не может.

– Знаю, – процедила она, прилагая все усилия, чтобы быть правильной Кейт, той Кейт, которая хочет быть рядом с ним и заслуживает этого. Не девушкой, лежащей в поле, и не девчонкой, плачущей в машине за миг до аварии.

Той Кейт, которая не боится ничего. И никого. Даже его.

Теперь Кейт не смогла выдавить из себя заносчивую улыбку, но вообразила ее и удержала перед внутренним взором.

– Знаю, – повторила она. – И мне приходится придумывать номера, которые трудно замять. И дорого.

– Тогда почему...

– Ты в курсе, почему, па, – перебила его Кейт. – Ты понимаешь, чего я хочу.

Она услышала, как он выдохнул, и прислонила голову к кожаной спинке сиденья. Люк в потолке оказался открыт, и Кейт видела звезды, усеивающие

ночное небо.

– Мне надо попасть домой.

Август

«Все началось со взрыва».

Август прочитал эти слова в пятый раз, не вникая в смысл фразы. Он сидел у кухонного стола, одной рукой катал яблоко по кругу, а другой придерживал книгу про вселенную. Ночь плыла за окнами компаунда, закрытыми стальными ставнями, и Август чувствовал, как город надвигается на него сквозь стены. Он посмотрел на наручные часы. Манжет рубашки задрался, обнажая нижнюю из отметин. Из соседней комнаты донесся голос сестры, но реплика предназначалась не Августу. Ниже было еще девятнадцать этажей, и до Августа доносился многослойный шум голосов, ритм шагов, металлический щелчок заряжаемого оружия и тысячи других звуковых обрывков, образующих музыку компаунда Флинна.

Август опять заставил себя переключиться на книгу.

«Все началось со взрыва».

Слова напомнили ему поэму Томаса Элиота «Полые люди». «Не взрыв, но всхлип». Конечно, там говорилось о финале жизни, а здесь – о начале, но и то и другое объединилось в голове Августа. Мысли о вселенной, о времени и о себе кружились и падали, будто костяшки домино, сбивая одну за другой, – и так без конца.

Стальная кухонная дверь отворилась, и вошел Генри. Август вздрогнул.

Генри Флинн был высокий и стройный, с руками хирурга, и щеголял в стандартном камуфляже спецназа. К рубашке приколота серебряная звезда, принадлежавшая прежде его брату, а до того – его отцу, а еще до того – двоюродному деду, и так продолжалось все пятьдесят лет от крушения,

восстановления и создания Истины. А может, все началось еще раньше, ведь сердцем города всегда был Флинн.

– Привет, па, – произнес Август, стараясь не подать виду, что он ждал его прихода целую ночь.

– Привет, Август, – ответил Генри, ставя на стол ВУФ – ультрафиолетовый маяк высокой плотности. – Как дела?

Август перестал катать яблоко, захлопнул книгу и заставил себя сидеть прямо, хотя его мысли лихорадочно заметались в голове. Август подозревал, что это как-то связано с потенциальной и кинетической энергией. Знал он лишь одно: его тело искало движения.

– Ты в порядке? – поинтересовался Генри.

Август сглотнул. Врать он не мог. И почему ему так трудно сказать правду?

– Я больше не могу, – пробормотал он.

Генри уставился на книгу.

– Что, астрономия? – осведомился он с фальшивой веселостью. – Сделай перерыв.

Август посмотрел на отца в упор. У Генри Флинна были хорошие глаза и печальный рот, или печальные глаза и добрый рот. У лиц – сотни и тысячи разных черт, бесконечно делимых, однако они складываются в безошибочно узнаваемые выражения: гордость, отвращение, бессилие, усталость – Август опять сбился с мысли.

Он попытался поймать ее прежде, чем та укатится за пределы досягаемости.

– Я не про книгу.

– Август... – начал Генри, давно понявший, куда клонит сын. – Это не обсуждается.

– Но если ты просто...

– Никакого спецназа. Хватит.

Стальная дверь распахнулась, и порог переступила Эмили Флинн с коробкой продовольствия. Женщина водрузила ее на стол. Эмили оказалась чуть выше мужа, с широкими плечами, темной кожей, ореолом коротких волос и кобурой на бедре. У Эмили была походка солдата, но такие же усталые глаза, как у Генри, и зубы она стискивала в точности так же, как и он.

– Только не начинайте заново, – произнесла Эмили.

– Меня постоянно окружают ФТФ! – запротестовал Август. – Когда я куда-нибудь иду, я одеваюсь как они! Неужели мне нельзя быть одним из них?

– Нельзя, – отрезал Генри.

– Это небезопасно, – добавила Эмили, начав распаковывать продукты. – Ильза у себя в комнате? Наверное, мы могли бы...

Но Август не собирался уступать.

– Все небезопасно! – крикнул. – В том-то и дело! Вы, люди, каждый день рискуете жизнью в борьбе против монстров, а я читаю книжечки про звезды и притворяюсь, что снаружи ничего не происходит!

Эмили покачала головой. Она достала нож из паза кухонного стола и принялась нарезать овощи, создавая порядок из хаоса, ломтик за ломтиком.

– В компаунде тебе ничего не угрожает, Август. Ты и сам знаешь, что творится на улицах.

– Поэтому я должен быть там, помогать в красной зоне!

– Ты выполняешь свою часть работы, – вымолвил Генри. – Ты...

– Чего ты боишься?! – сорвался Август.

Эмили со стуком положила нож.

– И ты еще спрашиваешь?

– По-твоему, я могу пострадать? – рявкнул Август.

Прежде, чем мать успела ответить, он вскочил на ноги. Одним плавным движением Август схватил нож и вонзил его себе в руку. Генри дернулся, Эмили шумно втянула ноздрями воздух, но лезвие соскользнуло с кожи Августа, словно та была каменной.

Острие ножа воткнулось в толстую доску для разделки мяса. На кухне воцарилась тишина.

– Вы ведете себя, словно я хрустальный! – воскликнул Август. – Но вы ошибаетесь!

Он взял мать за руку, подражая Генри.

– Эм, – мягко произнес он. – Мама. Я не стеклянный. Совсем даже наоборот.

– Но ты уязвим, – возразила она. – Август...

– Я тебя туда не пущу, – вклинился Генри. – Если люди Харкера схватят тебя...

– Ты позволила Лео возглавить спецназ, – парировал Август. – У него вообще вся физиономия зашпаклевана, но он до сих пор жив!

– Это совсем другое, – хором произнесли Генри и Эмили.

– Почему?! – возмутился Август.

Эмили заключила лицо Августа в ладони, как делала, когда он был ребенком – хотя, пожалуй, это был неправильный термин. Август никогда не был настоящим

ребенком. Дети не появляются полностью сформировавшимися посреди места преступления.

– Мы просто хотим защитить тебя. Лео был частью кампании с первого дня, что сделало его постоянной мишенью. И чем больший вес мы приобретаем в городе, тем сильнее люди Харкера будут пытаться воспользоваться нашими слабостями и победить нас.

– А что я? – спросил Август, отстраняясь. – Ваша слабость или ваша сила?

Теплые карие глаза Эмили широко распахнулись, затуманились.

– И то, и другое, Август, – обронила она.

Август понимал, что спрашивать такое нечестно, и заранее знал ответ, но правда все равно жалила.

– И откуда у тебя эта тяга? – спросил Генри, потирая глаза. – Ты ведь не хочешь сражаться.

Он был прав. Август не желал сражаться – ни на улицах со смертью в ночи, ни здесь со своей семьей – но была ужасная дрожь в его костях, нечто, стремящееся вырваться, мелодия в его голове, становящаяся все громче и громче.

– Но я хочу помочь, – пробормотал он.

– Ты уже помогаешь, – твердо сказал Генри. – Спецназ способен управляться с симптомами. А ты, Ильза и Лео – вы лечите болезнь.

«Но это не работает!» – хотелось закричать Августу. Перемирие в И-Сити продлилось шесть лет – Харкер на одной стороне, Флинн на другой, – и оно уже истрепалось. Людей ведь не обманешь...

Каждую ночь новая смерть прокрадывалась через Линию. Монстры множились, а хороших людей было так мало!

– Пожалуйста, – начал Август. – Я могу сделать больше, если вы мне позволите.

– Август... – сказал Генри.

Август вскинул руку:

– Пообещайте, что вы подумаете. – И он выскользнул из кухни, оставив родителей наедине друг с другом.

Комната Августа являлась неким упражнением в энтропии и порядке, своего рода заключенным в рамки хаосом. Она была маленькой, лишенной окон, тесной настолько, что могла бы вызывать клаустрофобию, не будь она настолько знакомой. Книги давно выплеснулись с полок и лежали шаткими стопками на кровати и вокруг нее, отдельные томики валялись раскрытыми на простынях, обложкой кверху. Некоторые люди выбирают определенные жанры или сюжеты, Август не имел особых предпочтений – главное, чтоб не беллетристика. Он хотел изучить мир, постигнуть тайны вселенной.

Возникнув в бытии внезапно, словно по мановению руки фокусника, Август страшился шаткой природы своего существования.

Он боялся, что однажды просто-напросто исчезнет.

Книги были разложены по темам: астрономия, религия, история, философия.

Август находился на домашнем обучении. В действительности это означало, что он занимался самообразованием. Иногда ему приходила на выручку Ильза (когда ее разум работал столбцами, а не клубками), а вот у его брата Лео терпения не хватало. Генри с Эмили тоже были чересчур заняты, поэтому в основном Август был предоставлен сам себе. И его все устраивало. Или, скорее, он привык, что это нормально.

Правда, с некоторых пор обособленность стала ощущаться как изоляция.

Кстати, кроме книг и мебели в его комнате была еще и скрипка. Она стояла в открытом футляре, прислоненном к двум стопкам книг, и Август инстинктивно двинулся к ней, но удержался от искушения взять ее и что-нибудь сыграть.

Он спихнул с подушки томик Платона и плюхнулся на смятые простыни.

В комнате царил духота, и Август завернул рукава рубашки, открывая сотни черных меток, которые начинались у левого запястья и забирались вверх, к локтю, к плечу, а оттуда к ключицам и ребрам.

Сегодня ночью он насчитал четыреста двенадцать.

Август смахнул темные волосы со лба и прислушался к Генри и Эмили Флинн.

Они сидели на кухне и негромко беседовали – о нем, о городе, о перемирии.

А что будет, если он рухнет? Когда. Лео всегда говорил «когда».

Август не был свидетелем войны за территорию, вспыхнувшей после Феномена – лишь слышал истории о тогдашнем кровопролитии. Но он видел страх, появлявшийся в глазах Флинна, когда разговор касался этой темы – что случалось все чаще и чаще. Лео, казалось, не беспокоился: он заявил, что Генри выиграл войну за территорию, и события, которые привели к перемирию, – их рук дело.

При желании они могут и повторить!

«А когда начнется, мы будем готовы», – сказал бы Лео.

«Нет, – мрачно буркнул бы Флинн, – никто не готов к такому».

Постепенно голоса в кухне стихли, и Август погрузился в оцепенение. Он зажмурился, ища покоя, но вскоре тишину нарушило отдаленное стаккато выстрелов, отдавшееся, как всегда, эхом в его черепе.

Этот звук раздирал тишину на клочки.

Все началось со взрыва.

Август повернулся на бок, вытащил из-под подушки плеер, нацепил наушники и нажал на «Пуск». Полилась классическая музыка, громкая, яркая и прекрасная, и он погрузился в нее, а в его сознании тем временем забродили числа.

Двенадцать. Шесть. Четыре.

Двенадцать лет минуло с момента зарождения Феномена, когда насилие обрело форму, а И-Сити распался.

Шесть лет прошло с того момента, как перемирие снова собрало его воедино – но уже не в один город, а в два.

Ну а четыре года назад настал час Августа.

Он, Август, очнулся в школьной столовой, огороженной полицейской лентой.

– Господи! – выдохнул кто-то, ухватив его за локоть.

– Откуда ты взялся? – воскликнул какой-то человек, после чего заорал: – Я нашел мальчишку!

Какая-то женщина присела, чтобы заглянуть ему в лицо, и Август понял, что она пытается заслонить от него нечто ужасное.

– Как твое имя, дружок?

Август тупо уставился на нее.

– Он, похоже, в шоке, – констатировал мужчина.

– Заберите его отсюда, – добавил кто-то еще.

Женщина взяла его за руки.

– Солнышко, пожалуйста, закрой глаза.

А затем он увидел, что было за ней. Черные полотнища, как метки на полу.

Первая симфония завершилась, и началась вторая. Август мог выделить каждое созвучие и ноту музыкального произведения, однако, сосредоточившись, он также был способен расслышать бормотание отца и шаги матери. И потому он сразу же расслышал писк мобильного Генри.

Спустя мгновение Генри понизил голос, но Август без труда разобрал все слова до единого.

– Когда? Вы уверены? – беспокойно затараторил Генри. – Когда ее зарегистрировали? Нет-нет, я рад, что вы мне сказали. О'кей. Да, я знаю. Я улажу проблему.

Разговор окончился, но возобновился вновь, хотя теперь Генри явно обращался к Лео.

Август не расслышал, что отвечал брат, но понял, что Генри и Лео обсуждали его.

Он резко сел, сдернув наушники.

– Дайте вы ему, что он хочет, – твердо произнес голос Лео. – Вы с ним обращаетесь как с домашним любимцем, а не как с сыном – а он ни то, ни другое. Мы солдаты, Флинн. Мы – священный огонь...

Август закатил глаза. Он ценил самоуверенность брата, но вполне мог обойтись без его праведности.

– И вы его подавляете.

Тут Август был согласен.

В диалог вступила Эмили:

– Мы пытаемся...

– Защитить его? – фыркнул Лео. – Когда перемирие рухнет, компаунд тоже долго не продержится.

– Мы не пошлем его на вражескую территорию.

– Вам представилась возможность. Шанс. Я лишь предлагаю вам его использовать.

– Риск...

– Не столь велик, если только он будет осторожен. А преимущество...

Августу стало тошно, и он вскочил на ноги, побеспокоив башню из книг. Почему о нем вечно судачат, как будто его тут нет?

Он опоздал: когда он распахнул дверь, Лео уже удалился.

Но отец протянул руку к двери, дескать, собирался постучаться, но не успел...

– Что случилось? – выпалил Август.

Генри не стал ничего скрывать.

– Ты прав, – вымолвил он. – Ты это заслужил. И думаю, я нашел способ тебе помочь.

Август расплылся в улыбке.

– В общем, я участвую! – удовлетворенно заявил он.

Строфа первая

Монстр, можно мне?

Нет, на такое Август не рассчитывал!

Школьная сумка валялась на кровати, вещи лежали на полу, ну а форма была тесной и неудобной. Эмили твердила, что это дань моде, но Августу уже мерещилось, что одежда пытается его задушить.

Костюм спецназовца Флинна был эластичным и предназначенным для боя, а форма Академии Колтона оказалась чудовищно жесткой. Рукава рубашки заканчивались ровно на запястье, и нижняя из черных меток на предплечье (их количество увеличилось до четырехсот восемнадцати) выглядывала всякий раз, как он сгибал локоть.

Август зарычал, яростно дернул рукав вниз и провел расческой по волосам. Темные кудри все равно упрямо падали на его светлые глаза, но следовало хотя бы попытаться...

Август выпрямился и поймал свой взгляд в зеркале, но отражение смотрело на него с такой безучастностью, что он втянул голову в плечи. У Лео, например, бесстрастное выражение лица воспринималось как уверенность. У Ильзы спокойствие читалось как безмятежность. Но Август выглядел безразличным. Он изучал Генри с Эмили и всех, кто попадался ему на пути, от кадетов ФТФ до грешников, старался запомнить, как их физиономии вспыхивают от радостного возбуждения, искажаются от гнева или вины. Он часами сидел перед зеркалом, тренируясь без остановки, хоть Лео и поглядывал на него крайне сурово.

– Ты даром тратишь время, – говорил брат.

Но Лео ошибался. Эти часы окупятся. Август моргнул – еще одно естественное действие, которое он ощущал как неестественное, нарочитое, – слегка нахмурился и произнес хорошо поставленным голосом:

– Меня зовут Фредди Галлахер.

Перед «Ф» получилась небольшая задержка, как будто слова царапали ему горло. Но разве это была ложь? Нет! Он просто позаимствовал имя «Фредди», оно казалось ему ничем не хуже «Августа».

Генри называл его «Август», а теперь он, Август, выбрал для себя «Фредди». Странно как-то: оба имени принадлежали ему – и одновременно не принадлежали. Поэтому он повторял заученную фразу снова и снова, пока слова не слились воедино и не стали звучать как бессмыслица. Ну и пусть! Ведь правда – не то же самое, что факт, верно?

Он сглотнул и решил перейти к второму предложению, которое имело значение только для него.

– Я не...

Но у Августа запершило в горле, и он закашлялся.

«Я не монстр» – вот что он хотел сказать, но не сумел.

Он не нашел способа сделать это правдой.

– А ты красивый, – слышалось от двери.

Взгляд Августа сместился в сторону, и он увидел в зеркале свою сестру Ильзу.

Она прислонилась к дверному косяку и с улыбкой за ним наблюдала. Ильза была старше Августа, но выглядела как кукла. Ее белокурые волосы с розовыми прядями были собраны во восторженное гнездо, а голубые глаза покраснели, как будто она не спала (что бывало редко).

– Красивый, – промурлыкала Ильза, закрывая дверь, – но какой-то грустный.

Она уже находилась в его комнате. Ее босые ноги легко скользили между книг, хотя она ни разу не посмотрела на пол.

– Разве ты не счастлив, братик? Что с тобой?

Действительно, ведь он так к этому стремился! Август всегда воображал себя спецназовцем, охраняющим Линию и защищающим Южный город.

Солдаты говорили о его брате с придыханием. Они, наверное, считали, что он бог, удерживающий завесу тьмы над землей. Его боялись. Его обожали. Август поправил воротник, и рукава в который раз задрались. Он одернул их за манжеты, а Ильза неожиданно обняла его за плечи. Август замер. Лео не жаловал подобные контакты, и Август не знал, что ему делать – слишком частые прикосновения пугали его, – но Ильза всегда была тактильной.

Он робко прикоснулся к руке Ильзы.

Там, где его кожу покрывали короткие черные черточки, ее – усеивали звезды.

«Прямо как на небе», – привычно подумал Август. Он никогда не видел больше двух-трех настоящих звезд за раз, когда энергосеть отключалась. Но он слышал про особые места, расположенные далеко-далеко от городов и электрических огней. Там звезд столько, что их свет озаряет все вокруг, даже если нет луны.

– Братишка! – певуче произнесла Ильза, положила подбородок ему на плечо и лукаво взглянула на него. – Что у тебя в глазах?

– Где?

– У тебя здесь пятнышки. Ты чего-то испугался?

Август посмотрел на отражение Ильзы в зеркале.

– Возможно, – признался он.

Сейчас нервы его звенели, как струны, – прямо как тогда, когда он материализовался в той школьной столовой. Но присутствовало и нечто иное: странное возбуждение от идеи играть в нормального, ничем не примечательного человека.

Однако, когда Август пытался разобраться в своих чувствах, они лишь завязывались в узел.

– Они тебя отпускают, – заявила Ильза. Она развернула его и подалась вперед.

Их лица почти соприкоснулись. Мята. От Ильзы всегда пахло мятой.

– Будь счастлив, братик, – проговорила она и внезапно поникла.

Ее голубые глаза потемнели, за один лишь взмах век превратившись из дневной синевы в сумерки.

– Будь осторожен.

Август изобразил улыбку.

– Я всегда осторожен, Ильза.

Но Ильза уже не слышала его. Она неторопливо качала головой: то было медленное движение из стороны в сторону, не прекратившееся, когда следовало бы. Ильза легко запутывалась – иногда на несколько часов, а порой и на несколько дней.

– Не волнуйся, – мягко произнес Август, пытаясь вернуть ее в реальность.

– Город огромный, – нервно зашептала Ильза. – Он полон дыр. Не провались, Август.

Ильза не покидала компаунда Флинна целых шесть лет. С самого начала перемирия. Август не знал всех подробностей, но родители всегда говорили, что сестра должна оставаться в доме, что бы ни происходило.

– Я буду осмотрителен, – пообещал он.

Ее пальцы сжались, глаза посветлели, и Ильза снова была здесь.

– Конечно, будешь, – произнесла она, лучась радостью.

Она поцеловала Августа в макушку, а он вывернулся из ее объятий и побрел к кровати, где лежал открытый футляр скрипки, а внутри его ждал прекрасный инструмент. Августу хотелось играть – желание грызло его изнутри, подобно

голоду, – но он позволил себе лишь провести пальцами по дереву корпуса, прежде чем захлопнуть футляр.

Проходя через пустую квартиру, Август взглянул на свои наручные часы. Пятнадцать минут седьмого. Даже для двадцатого этажа компаунда Флинна первые лучи солнца все еще прятались за мешаниной зданий на востоке.

На кухне он обнаружил черный пакет с ланчем и пришпиленной запиской:

«Хорошего первого дня!

Я откусила кусочек, надеюсь, ты не против?

Эм»

Открыв пакет, Август обнаружил половину сэндвича и зеленое яблоко.

Как мило с ее стороны! Эмили не просто упаковала ему ланч, она добавила сюда объяснение. Если вдруг кто спросит, Август сможет сказать, что он поел дома.

Когда Август прятал пакет в сумку, на кухне зажегся свет и вошел Генри. Отец баюкал в ладонях чашку кофе. Он выглядел измотанным и уставшим, что, впрочем, было неудивительно.

– Август, – зевнув, пробормотал он.

– Папа. Ты сегодня рановато!

Генри вел ночной образ жизни. Монстры охотились после захода солнца, поэтому, по словам отца, в эти часы всегда следовало быть во всеоружии и не расслабляться.

А с некоторых пор его ночные смены стали еще длиннее. Август пытался представить себе, каким отец был прежде, до Феномена, до того, как насилие открыло путь корсаи, малхаи и сунаи, до наступления анархии, перекрытия

границ, междоусобиц, хаоса. До того, как Генри потерял родителей, братьев, первую жену и стал тем Флинном, который преобразил город, его Флинном. Создателем ФТФ и единственным человеком, восставшим против прославленного криминала и сразившегося с ним.

Август видел фотографии, но у мужчины, изображенного на снимках, были веселые глаза и безмятежная улыбка. Он принадлежал другому миру, и жизнь его текла совсем не так, как сейчас.

– Сегодня важный день, – Генри опять зевнул. – Я хотел тебя проводить.

Он кое-что скрывал.

– Ты беспокоишься, – произнес Август.

– Конечно, – согласился Генри и сжал чашку. – Давай пробежимся еще разок по инструкции?

– Нет, – заявил Август.

Однако Генри не сдавался.

– Ты идешь в Колтон, никуда не сворачивая. Ты возвращаешься домой и нигде не шляешься. Если маршруту что-то препятствует, ты звонишь. Если охрана чрезмерна – ты тоже даешь о себе знать. Если возникают проблемы – какие угодно, Август, вплоть до дурного предчувствия...

– Я звоню.

Генри кивнул. Август пристально посмотрел на отца.

– Я справлюсь, па.

За последнюю неделю они постоянно проговаривали этот план, дабы убедиться, что учтены мельчайшие детали. Август уставился на наручные часы и опять увидел свои метки. Он быстро прикрыл их рукавом рубашки.

Отметины прямо-таки изводили его.

– Ладно, мне пора.

Генри вздохнул.

– Послушай, Август, я надеюсь, что в этом не будет необходимости, но...

Август нахмурился.

– Ты думаешь, что перемирие будет нарушено?

Он попытался представить себе И-Сити, каким тот, вероятно, был в прошлом: две половины, сошедшиеся в схватке в самом центре. В Северном городе – Харкер, а в Южном – Флинн. Те, кто желал платить за безопасность, схлестнулись против тех, кто желал сражаться за нее. Умереть за нее.

Генри потер глаза.

– Я верю в благоразумие, сын, – уклончиво произнес он.

Август решил не придирааться.

– Отдохни, па.

Генри угрюмо усмехнулся.

– Грешникам не до сна, сынок, – ответил он.

Август знал, что отец имеет в виду не себя.

Август направился к лифтам, но в свете, проникавшем через открытую дверь, уже виднелся чей-то силуэт.

– Братец.

Голос был низким, напевным и гипнотизирующим. Секунду спустя силуэт переместился, двинулся вперед и превратился в широкоплечего жилистого мужчину с тренированными мускулами. Форма ФТФ сидела на нем безукоризненно, а под закатанными рукавами виднелись черные крестики, опоясывающие предплечья.

Точеный подбородок, черные, как бездна, глаза, прямые светлые волосы. Совершенство нарушал тонкий шрам, пересекающий левую бровь – памятка первых лет, но, невзирая на рубец, Лео Флинн больше походил на бога, чем на монстра.

Август выпрямился, поймал себя на том, что копирует осанку брата. Может, он перестарался? Что делать?

Август резко ссутулился и сразу же задумался о том, не выглядит ли он неестественно.

Лео внимательно наблюдал за братом немигающим взглядом. Даже когда он был из плоти и крови, ему трудно было сойти за человека.

– Юный сунаи собрался в школу.

В его голосе не было ни оценки, ни вопроса.

– Дай, угадаю, – промямлил Август, заставив себя криво улыбнуться. – Ты хочешь меня проводить и сказать, чтобы я хорошо провел время и повеселился?

Лео склонил голову набок. Ему никогда не давался сарказм – если честно, он никому из них не давался, хотя Август видел, как дразнят друг дружку парни из ФТФ.

– Твое веселье – не моя забота, – изрек Лео, – но я твой старший брат и хочу тебе кое-что напомнить. Ты еще даже не вышел за порог, Август, а уже кое-что забыл.

Лео швырнул ему какой-то предмет, и Август поймал его на лету. Это был медальон Северного города, на одной стороне выбита буква «И», на другой –

отчеканен ряд цифр. Железо неприятно покалывало пальцы. Чистый металл отпугивал монстров. Корсаи и малхаи не смели к нему прикасаться. Сунаи этого просто не любили. (У всех ФТФ форма была прошита железными нитями, но для них с Лео железо заменили сплавом.)

– Я должен его носить? – уточнил Август. От затянувшегося контакта с металлом его замутило.

– Если ты хочешь сойти за одного из них, – ответил Лео. – А если тебе надо, чтобы тебя схватили и убили, тогда, пожалуйста, оставь его дома.

Август сглотнул и надел цепочку с медальоном на шею.

– Он поддельный, – продолжал его брат. – Любому человеку он покажется настоящим, но я советую тебе быть очень внимательным, Август. И держись подальше от северной Линии после наступления темноты. Я давно ее не проверял, а там бродит куча всякого отребья.

Август кивнул.

Разумеется, Лео должен был это сказать. Но Август знал, что не только металл удерживал монстров на расстоянии. Имелся еще знак Харкера. Закон Харкера.

Август пристроил медальон поверх рубашки и застегнул форменную куртку. Но когда он шагнул к лифту, Лео преградил ему путь.

– Ты поел?

Август опешил, хотя слова уже зарождались в его горле. Есть разница между неспособностью солгать и потребностью говорить правду, но когда дело касалось его брата, у Августа не оставалось роскоши умолчания.

Когда сунаи задает вопрос, он приказывает дать ответ.

– Я сыт.

– Август, – укорил его Лео. – Ты всегда голоден.

Августа передернуло.

– Я попозже перекушу.

Лео прищурил черные глаза, и прежде, чем он успел добавить что-то еще – или вызвать брата на откровенность, – Август проскользнул мимо него. По крайней мере, он попытался это сделать. Он был на полпути к лифту, когда пальцы Лео сомкнулись на его запястье.

– Это тебе не понадобится.

Август застыл как вкопанный и сжал футляр со скрипкой еще сильнее. За четыре года он никогда не покидал стен компаунда без инструмента. Одна мысль о подобной потере привела его в смятение.

– А вдруг что-нибудь случится? – спросил он, сражаясь с нарастающей паникой.

Тень веселья промелькнула по лицу Лео.

– Тогда тебе просто придется запачкать руки.

Он выдернул футляр из рук Августа и втолкнул брата в кабину. Август споткнулся и повернулся к Лео.

Без своей скрипки он почувствовал себя осиротевшим, и его пальцы заныли.

– Пока, братец, – вымолвил Лео, нажимая кнопку первого этажа.

– Хорошего дня, – прибавил он, когда двери начали закрываться.

Лифт поехал вниз, преодолевая двадцать этажей. Август сунул руки в карманы.

Компаунд частично являлся небоскребом, частично операционной базой и, несомненно, крепостью. Бетон, сталь, колючая проволока и плексиглас: в основном в компаунде размещался спецназ. Подавляющее большинство из шестидесяти тысяч служащих ФТФ были расквартированы в других казармах,

разбросанных по городу, но около тысячи обитали именно в компаунде. Правда, имелась здесь и некая загвоздка, суть которой была понятна и ребенку. Она гласила: чем меньше людей входит в здание или выходит из него, тем легче отследить интересующий тебя объект. А уж если ты Харкер и охотишься на трех сунаи Флинна, его секретное оружие, ты точно будешь шпионить за каждым и постараться изучить компаунд вдоль и поперек, верно?...

Но это не представляло особой проблемы для Лео, поскольку он, собственно, и был лицом ФТФ, и для Ильзы, которая всегда находилась дома. Однако Генри был преисполнен решимости сохранить личность Августа в тайне.

Первый этаж оказался забит битком (с учетом комендантского часа день начинался рано). Август небрежно влился в поток, пересек бетонный вестибюль, прошел через охраняемые двери и очутился на улице. Утро буквально затопило его: намечался ясный и теплый день. Омрачали настроение Августа лишь металлический диск, царапающий кожу, и отсутствие скрипки.

Солнечные лучи озаряли высокие здания, и Август, вдохнув поглубже, задрал голову, чтобы посмотреть на гигантский компаунд Флинна. Четыре года он почти безвылазно просидел дома, а если и выходил из цитадели, то исключительно по ночам. Зато сейчас он на улице. Один. В супергороде И-Сити по последней переписи насчитывалось двадцать четыре миллиона человек, и он, Август, являлся лишь одним из них: просто какой-то парень, затерявшийся в утренней толчее. Неожиданно Августу почудилось, будто он стоит на краю обрыва, где заканчивается его прежний мир и начинается другой.

Шепот и взрыв. Зарождение будущего.

А потом наручные часы запищали, оттаскивая Августа от края пропасти, и ослепительная иллюзия рассеялась, истаяла в воздухе.

Август двинулся в путь.

Черный седан прорезал город, как нож.

Кейт смотрела, как он мчит по улицам, через мосты, рассекая транспортные потоки, словно плоть, на пути через Северный город. Утро выдалось солнечное, но тонированные стекла машины выпивали все краски, и потому урбанистический пейзаж за окном выглядел тоскливым, как надоевший старый фильм. По радио звучала монотонная классическая музыка, она внушала людям спокойствие и уверенность в завтрашнем дне. Надо сказать, что многие горожане охотно покупались на такой трюк. Когда Кейт попросила водителя, мужчину с каменным лицом по имени Маркус, сменить станцию, он проигнорировал просьбу. Тогда она сунула в левое ухо наушник и включила плеер. Ее вселенная раскололась, превратившись в рваный ритм, в гневный окрик.

Кейт откинулась на кожаную спинку кресла и позволила городу скользить мимо.

Сейчас И-Сити казался ей нормальным, чуть ли не обыденным.

И-Сити всегда был для Кейт мимолетным впечатлением, своего рода моментальным снимком или кадрами из замедленной съемки, между которыми пролегли годы. В первый раз ее отослали ради ее безопасности, во второй – похитили в глухой ночи, а в третий – изгнали за преступления ее матери.

Но теперь она вернулась сюда – в город своего отца. Здесь ее место.

Она будет рядом с отцом.

И она никуда не уйдет.

Кейт поигрывала зажигалкой и изучала лежащий на коленях планшет с картой И-Сити. Он ничем не отличался от любого супергорода – плотно населенный центр и постепенно сходящие на нет окраины, – но когда Кейт постучала по экрану металлическим ногтем, появился новый слой информации.

Через экран слева направо протянулась черная полоса, разделившая И-Сити надвое. Линия. В реальности она не была прямой, но четко разграничивала И-Сити на две части. Перейди на Северную сторону – и ты на территории Келлума Харкера. Перейди на Южную – и ты у Генри Флинна. Примитивный передел, мудрое разрешение конфликта – шести грязных, жестоких лет стычек, диверсий,

убийств людей и монстров. Проведи линию на песке. Держись поближе к своим.

Неудивительно, что Кейт сюда не вписалась.

Флинн оказался идеалистом. Говорить о правосудии, о «законном обосновании», конечно, прекрасно, но ведь с приходом ночи его люди умирают.

Плоть и кости против зубов и когтей.

И-Сити не нуждался в моральном кодексе. Ему был нужен лидер, контролирующий ситуацию. Готовый замарать руки. Харкер стал идеальным кандидатом.

Кейт не тешила себя обманом. Она знала, что ее отец – плохой человек. Но И-Сити не требовался «хороший парень».

«Хороший» и «плохой» – что за бессмысленные словечки! Монстрам плевать на идеалы и намерения. Факты просты. На Юге – хаос. На Севере – порядок, купленный и оплаченный кровью и страхом.

Так эта система и работала.

Кейт провела пальцем по Линии, через серый квадрат, отмечающий Пустырь.

Почему отец согласился на половину города и позволил Флинну спрятаться за стеной? Только потому, что у него – три монстра на коротком поводке?

Она прикусила губу, вновь постучала по карте, и появился очередной слой информации.

Наверху карты возникли три концентрических круга, напоминающих бычий глаз. Это была шкала риска, показывающая, не увеличилось ли количество монстров и не нужно ли тому, кто направляется в центр И-Сити, быть бдительнее. Зеленая внешняя окружность, потом желтая и красная. Горожане в течение дня не обращали внимания на зоны, но прекрасно знали о границах, о местах, где яростный красный сменяется тревожным желтым, прежде чем окончательно истечь кровью и превратиться в относительно безопасный зеленый. Конечно,

для тех, кто находился под защитой ее отца, риск падал почти до нуля... пока они блуждали в пределах Северного города.

Пустошь начиналась как раз после зеленого слоя: там было совершенно неважно, откуда ты, с Севера или с Юга. В Пустоши каждый выживал как умел.

В принципе где-то совсем далеко можно было наткнуться на убежище. В тех малолюдных местах водилось немного монстров, однако людей из супергорода там никогда не приветствовали, ибо они несли с собой тьму, словно чуму.

Там девушка может сжечь церковь, а может лежать на лугу рядом с мамой и любоваться звездами на летнем небе...

Где-то завывала сирена, и Кейт вздрогнула. Видение с маленьким сельским домиком исчезло. Машина с тонированными стеклами продолжала мчаться по дороге.

Кейт посмотрела на серебряную горгулью, которая поблескивала на капоте. Изначально автомобиль украшал ангел – руки и крылья запрокинуты под незримым ветром, – но Харкер сбил его и заменил мерзкой тварью, и теперь она сидела, сгорбившись и вцепившись коготками в верхний край решетки радиатора.

«Мы же в городе монстров», – заявил Харкер, отправляя ангела в мусорное ведро.

Отец прав. Но настоящие монстры не похожи на дурацкую горгулью на капоте.

Они намного хуже.

Август подставил лицо солнечным лучам, наслаждаясь утром позднего лета, и позволил телу двигаться, а мозгу – пребывать в блаженной тиши. Просто поразительно, как легко текли его мысли, когда он был в движении, пусть даже

без скрипки. Август брел по тротуарам с растрескавшимся асфальтом, мимо домов с заколоченными окнами. Половина зданий являла собой обгорелые остовы, заброшенные и выпотрошенные – все полезное содрано, чтобы укрепить другие дома. Юг И-Сити до сих пор смахивал на исковерканный труп, однако город постепенно восстанавливался и оживал. ФТФ были повсюду: стояли на крышах, патрулировали улицы, и из их коммуникаторов раздавалось шипение радиопомех. По ночам они охотились на монстров, а днем пытались предотвратить возникновение новых чудовищ. Преступление. Вот причина. Корсаи, малхаи, сунаи – лишь следствие.

Август влился в плотный поток пешеходов и двинулся на север. Городской шум напоминал мелодию, в которой гармонию сменял диссонанс с лязгающим ритмом. Звуки накладывались друг на дружку слоями, пока музыка не превратилась в какофонию, а восхищение – в стресс, и Августу пришлось приложить немало усилий, чтобы сосредоточиться на дороге. Сам маршрут был несложным – четыре квартала по Центральной авеню, никуда не сворачивая.

По прямой – к Линии.

Когда она появилась в поле зрения, Август замедлил шаги.

Граница представляла собой массивное ограждение высотой с трехэтажный дом. Стена, укрепленная полосами чистого металла и утыканная камерами, пересекала центр И-Сити и проходила с востока на запад. Вот результат шести лет войн за территорию, учитывающий каждый акт насилия и каждую человеческую смерть, которая приводила в мир новых корсаи и малхаи – и все потому, что Флинны владели городом, а Харкер желал его.

Двумя кварталами восточнее находился Пустырь – разрушенный участок с выжженной землей, метка для обеих сторон. Когда-то здесь была площадь, пятачок зелени, а теперь не осталось ничего. Некоторые утверждали, что на тротуарах отпечатались призрачные силуэты мертвецов. Многие ТФ считали, что Генри Флинн в последний день войны использовал именно здесь некое ужасное оружие, которое испепелило площадь. Август не верил ребятам из ТФ, но, так или иначе, угроза повторения смертоносного акта заставила Харкера пойти на переговоры и согласиться поделить И-Сити пополам.

Днем столица по-прежнему была едина. По крайней мере, теоретически. В самой Линии имелись ворота в количестве трех штук, но их охраняли спецназовцы. Конечно же, не обошлось и без неусыпных красноглазых видеокамер.

Каждый горожанин должен был предъявить удостоверение личности, а сканеры – подтвердить, что это – человек.

В том-то и заключалась проблема.

Август свернул на узкую, наполовину разрушенную улочку, идущую параллельно Линии, и увидел офисное здание. Окна были закрыты стальными щитами, а у двери маячила парочка бойцов ФТФ.

Женщина за стойкой регистрации молча кивнула Августу, когда он миновал охранников и двинулся к отдельному лифту в подвал. Светящиеся неоновые точки показывали путь: следуя по ним, Август добрался через паутину сырых коридоров к стене. Точнее, к тому, что выглядело стеной. За сдвигающимся металлическим щитом обнаружился туннель, и Август шагнул по нему, пока не добрался до очередного щита.

Август отодвинул его и шагнул в подвальную квартиру.

В помещении царила тишина, и Август разозлился на себя за то, что обрадовался краткому мигу одиночества. Он дал себе десять секунд, ожидая, пока сердце замедлит ритм, а нервы успокоятся, после чего встряхнулся и принялся взбираться вверх по лестенке.

Пэрис курила и готовила завтрак.

Когда Август переступил порог кухни, Пэрис, похоже, ничуть не удивилась.

– Доброе утречко, малыш! – произнесла она.

Ее железный медальон находился на опасном расстоянии от омлета. Союзники на Северной стороне – редкость и дорогое (хотя и сомнительное) удовольствие, однако Генри с Пэрис были старыми друзьями, и она прошла проверку Лео. Август огляделся. Квартира Пэрис оказалась... уютной, как картинка в журналах

времен до Феномена. Кафель, дерево и стекло.

– Проездной на метро – на столе.

– Спасибо, Пэрис, – поблагодарил Август, расстегивая спецназовскую куртку и вешая ее на крючок у двери.

Манжеты рубашки опять задрались, выставив напоказ два ряда меток. Август одернул рукава, хотя Пэрис, разумеется, не могла ничего увидеть.

Может, Пэрис и была слепа, но зато прочие ее чувства с лихвой компенсировали отсутствие зрения.

Пэрис могла легко догадаться, что Август пришел без своей скрипки: ее слух улавливал самые тончайшие вибрации, включая и трепет струн музыкального инструмента.

Женщина выпустила причудливое облако дыма.

– Что, сегодня концерта не будет? – осведомилась Пэрис, роняя пепел в яичницу.

Пальцы Августа согнулись, пытаясь обхватить ручку футляра, но поймали лишь воздух.

– Нет, – произнес он, выискивая в сумке блейзер Академии Колтона.

Подойдя к настенному зеркалу, Август стал натягивать блейзер и ошеломленно заметил, что скривился – почти машинально.

– Флинн рассказывал мне про вашу музыку, – пробормотала Пэрис, и по ее тону Август понял, что она имеет в виду всех троих. – Мне всегда было интересно, на что это похоже...

Август застегнул блейзер.

– Надеюсь, ты никогда не узнаешь, – ответил он, направляясь к двери. – Я вернусь до темноты.

– Желаю хорошо провести время в школе! – крикнула ему вслед Пэрис.

В отличие от Лео она говорила искренне.

Август вышел на улицу и с облегчением перевел дух: Линия осталась позади. Когда он повернулся на север, его глаза широко распахнулись от изумления. Он морально готовился, но разница между двумя частями И-Сити застала его врасплох. Северный город не был опустошенной взрывами оболочкой. Все его многочисленные шрамы были отлично замаскированы. Здания сверкали – сплошь металл, камень и непробиваемое стекло. По дорогам сновали яркие машины обтекаемых форм, а тротуары были запружены людьми в красивой одежде. Если Харкер и посылал сюда охранников, то они ничем не выделялись из толпы.

При виде безопасного, чистого И-Сити – этой иллюзии! – в душе Августа вспыхнул гнев, и метки на его коже предупреждающе закололи. Их теплу противостоял холод тяжелого медальона на груди. Сосредоточься, сосредоточься!

Ближайшая станция метро находилась в квартале отсюда. Власти Южного города закрыли метро, поскольку данный вид транспорта был признан чересчур опасным (корсаи могли напасть из-за любого сумрачного угла), – и тщательно замуровали все входы.

Но Август знал, что ФТФ до сих пор при необходимости пользуются туннелями.

Он спустился вниз, перепрыгивая через ступеньки. Август читал про архитектуру И-Сити и был в курсе, что нынешние здания на самом деле построены поверх старого города, а метро проходит там, где некогда вились улицы.

Странно, но на подземной станции было столь же чисто, как и наверху. Отполированный белый мрамор, гулкие звуки шагов, классическая музыка. Концерт для фортепиано. Никаких признаков борьбы или страдания, никаких отзвуков ужаса, пробуждающегося по ночам. То была уловка, призванная завлекать жителей Южной стороны и напоминать жителям Северной, за что они

платят.

Август спустился на платформу в ту самую секунду, когда состав тронулся. Юноша прислонился к колонне и стал ждать следующего. Сперва его внимание привлекла целующаяся пара, затем бродячий музыкант, играющий на гитаре, и, наконец, маленькая девочка, которая стояла перед гитаристом, держась за руку своей матери.

Девочка посмотрела на Августа, а Август – на нее. Его зачаровал вид маленького ребенка. В их компаунде – да и во всем Южном городе – было мало детей. Девочка расплылась в белозубой улыбке, и Август поймал себя на том, что улыбается в ответ.

И вдруг она запела.

– Большие и малые монстры придут, они за тобою однажды придут, – весело щебетала она.

Августа пробрала дрожь.

– Корсаи, корсаи – во мраке клыки, во мраке клыки, и кости во мраке, и когти-клинки, он съест твою плоть, разорвав на куски. Малхаи, малхаи – коварство и ложь, улыбка быстра и остра, словно ложь. Он кровь твою выпьет, тогда ты умрешь.

Август сглотнул. Он знал, что последует дальше.

– Сунаи, сунаи – так сладко поет, глаза будто уголь, а сердце, как лед. Спойет он и душу твою украдет.

Улыбка малышки сделалась еще шире.

– Большие и малые монстры придут, они за тобою однажды придут, придут и тебя без остатка сожрут!?[1 - Перевод М. Смирновой. (Прим. пер.)]

Девочка радостно взвизгнула, и Августу сделалось нехорошо. Он отступил на шаг.

Когда поезд подошел к платформе, Август выбрал другой вагон.

– Большие и малые монстры придут, они за тобою однажды придут, – напевала Кейти, пока машина летела вперед.

Она постучала по экрану планшета, закрыла карту и принялась листать папки с личного диска отца – она подобрала код доступа в первую же ночь, проведенную дома, – пока не нашла, что искала. А вот и она – система наблюдения за Южным городом – не только на Линии, но и почти в каждом квартале красной зоны! Ежедневно зафиксированный материал проверяли и стирали, оставляя лишь «инциденты». Их сохраняли, чтобы Харкер мог их просмотреть и при необходимости принять меры. Конечно, «инциденты» никогда не попадали в программы новостей. Не хватало еще сливать такое добро телевидению! Это поколебало бы иллюзию нормальности и безопасности, за которую платили обыватели.

Но Харкер следил за своими монстрами. Нужно было знать, когда появляются новички, а матерые волки начинают плохо себя вести.

Весь материал сортировали по категориям. «Монстры». «Люди». «Возникновение монстров».

Кейт возилась с этими данными с момента своего приезда в И-Сити. Она пыталась узнать всю подноготную о настоящих монстрах Истины. Кейт постучала по папке «Возникновение». В ней оказалось еще две, названные соответственно «Корсаи» и «Малхаи».

«Рождение» сунаи не удалось запечатлеть ни разу. Кейт выбрала папку «Корсаи», и экран заполнили видеоклипы, маленькие окошки с мельтешением размытых теней. У Кейт было такое чувство, что она спускается в кроличью нору. Пальцы ее на миг зависли над экраном, после чего она выбрала клип, и он развернулся во всю ширь.

Ролик скрупулезно отредактировали, оставив лишь грубую насильственную суть. Камера располагалась под неудачным углом, но Кейт разглядела двух мужчин, стоящих в переулке. Ей потребовалась доля секунды, чтобы понять – она наблюдает за дракой. Та началась с пустяков: прервавшийся разговор, толчок к стене, неумелый удар. Один из мужчин упал, второй начал его пинать, пока лежащий не превратился в сплетение подергивающихся конечностей, а его лицо – в кровавое месиво.

Нападавший убежал. Избитый человек валялся на тротуаре. Грудь его судорожно вздымалась. Потом он попытался встать, и тени вокруг него задвигались. Мужчина ничего не заметил – он был занят, отскребал себя от асфальта, – но Кейт смотрела, словно зачарованная, как тьма вытянулась, задержалась, отдирая себя от стен, собираясь воедино. Силуэт воздвигся подобно столбу дыма: личина определялась по жутким белым глазам, на которых сосредоточилась фокусировка камеры, и по блеску зубов. Челюсти клацнули, лоснящееся туловище качнулось, сверкнули бритвенные когти.

А человек, до сих пор стоявший на четвереньках, допустил роковую ошибку – пополз вперед, прочь из безопасного пятна света уличного фонаря.

И когда бедолага пересек границу света и тьмы, на него налетел ураган зубов и когтей.

Монстр принялся рвать свою жертву в клочья.

«Насилие порождает насилие».

Так сказала преподавательница Академии святой Агнессы, когда Николь Трип поставила подножку Кейт, а та в ответ сломала Николь нос. И эта же преподавательница принялась распинаться насчет того, что Кейт, дескать, законсервировала проблему... хотя сама Кейт уже перестала слушать наравоучения.

С ее точки зрения Николь получила по заслугам.

Но преподавательница была права в одном: насилие порождает...

Кто-то нажал на спусковой крючок, взорвал мину, направил автобус с туристами с моста прямо в реку, и что получилось в результате? Трупы и груды обломков.

Нечто иное. Плохое. Последствие. Откат. Реакция на гнев, боль и смерть. Вот чем в действительности являлся Феномен – последней каплей. Истина всегда полна насилия – больше, чем остальные десять территорий. Несомненно, вскоре накопится критическая масса – и плохое начнет собираться воедино.

Кейт провела пальцем по медальону, приколотому к форменному пиджаку. Защита от того, с чем можно столкнуться. Корсаи на ролике продолжал пировать. Большую часть творящегося буйства скрывала тьма, но на экране мельтешили клыки и когти, и Кейт видела, как в островке света растекается кровь.

Кейт с отвращением фыркнула. Хорошо, что ролик без звука!

Маркус помахал ей из-за перегородки. Кейт вынула наушник из уха, погружаясь в мир черного и белого, царство утреннего света и мягкой трели фортепианных клавиш.

– Ну?... – раздраженно буркнула она.

– Извините, мисс Харкер, – произнес Маркус. – Мы прибыли.

Академия Колтона располагалась там, где желтая зона встречалась с зеленой, а улицы И-Сити уступали место пригороду. Самая безопасная территория, где богачи прятались в своих уютных скорлупках и притворялись, будто Истину не жрут заживо.

Пейзаж смахивал на глянцевый снимок: здания из светлого камня среди ярко-зеленых лужаек. Всего пятнадцать минут от темного сердца Северного города, но по виду милого местечка нипочем не догадаешься! Наверное, суть именно в этом. Кейт предпочла бы школу в центре, в красной зоне, но в основном их закрыли, да и отец был бы против такого самоуправства. Если ему пришлось вернуть ее в И-Сити, он был исполнен решимости обеспечить дочери «максимальную безопасность». То есть запихнуть Кейт куда-нибудь подальше. Академия была подходящим вариантом.

Маркус услужливо распахнул дверцу автомобиля, и Кейт вылезла из салона, отогнав воспоминание о корсаи. Она скорректировала выражение лица, поправила воротник форменной рубашки-поло и пригладила свои светлые волосы. Они были распущены и расчесаны на пробор, чтобы скрыть шрамы на голове – метки от осколков. Могло бы быть и хуже – не потеряла же она слух целиком, – но все равно Кейт предпочитала не демонстрировать их.

Слабость нельзя выказывать. Так ей сказал Харкер, когда ей стукнуло двенадцать, а шрамы были еще свежи.

– Почему? – спросила маленькая и глупая Кейт.

– Любая слабость обнажает плоть, – отчеканил он, – а плоть притягивает нож.

– А у тебя какая слабость? – осведомилась она, и губы Харкера сложились в некое подобие улыбки.

В тот день он не ответил на ее вопрос. Кейт не знала, почему: то ли отец не хотел говорить с ней по душам, то ли он вообще не имел недостатков. Больше не имел.

Кейт иногда размышляла, существует ли другая версия Келлума Харкера, которая живет в параллельной реальности. Есть ли у иного Келлума Харкера секреты и слабости, в которые может войти нож?

– Мисс Харкер, – окликнул ее водитель. – Ваш отец хотел, чтобы я передал вам сообщение.

Кейт спрятала серебряную зажигалку в карман рубашки.

– Что именно, Маркус? – вежливо спросила она.

– Если вас исключат, он вышлет вас из Истины. Навсегда.

Кейт холодно усмехнулась.

– Зачем мне добиваться исключения? – вымолвила она, посмотрев на здание Академии. – Я уже там, где хотела быть.

– Станция «Парк», – объявил невозмутимый металлический голос.

Август опустился на сиденье, вытащил из рюкзака зачитанную книжку – «Республика» – и раскрыл ее посередине. Он знал большую часть текста наизусть, поэтому не имело значения, какую страницу читать.

К счастью, книга давала ему возможность смотреть вниз, а не вверх. Август прислушивался к голосу, объявляющему остановки, не желая рисковать и пялиться на схему: а вдруг он привлеч внимание камер наблюдения? Сотни красных глазок выискивали монстров, хотя все знали, что твари охотятся исключительно в ночное время суток.

«Почти все», – подумал Август.

– «Мартин-центр».

Три остановки до Колтона. Вагон заполнялся пассажирами, и Август встал, уступив место пожилой женщине. Он стоял, уткнувшись носом в книгу, но взгляд его осторожно скользил по горожанам в деловых костюмах.

Наверное, они старательно прятали свое оружие.

Какой-то мужчина, протискиваясь мимо, толкнул его в плечо, и Август напрягся.

В нем, кажется, не было необычного: пиджак, галстук, брюки, чуть широковатые в талии. Внимание Августа привлекла его тень. Она-то как раз и вела себя странновато – в ярко освещенном вагоне никому, в общем-то, не полагалось иметь тень, – но когда новый пассажир замер, она продолжила двигаться, извиваясь и перемещаясь, словно беспокойный собеседник.

Конечно, никто, кроме Августа, не мог ее разглядеть, но сам Август не сомневался в том, что он видит неправильную тень. Призрачное нечто, следующее за своим хозяином на поводке, но готовое вырваться в любую минуту.

Август знал, что это такое. Эхо насилия. Отметина греха. Где-то в городе из-за мужчины-пассажира – из-за того, что он сделал, – живет и убивает монстр.

Пальцы Августа сжались на поручне.

Случись происшествие в Южном городе, он узнал бы имя мужчины. Его вручили бы ему – или Лео – на листке бумаги вместе с адресом. Тогда он, Август, нашел бы правонарушителя ночью, заставил бы замолчать эхо... и заявил бы свои права на его жизнь.

Но здесь – Северный город, где плохим людям все сходит с рук, если только у них есть деньги.

Август с усилием отвел взгляд. Пожилая женщина, сидевшая на скамье, подалась вперед.

– Я всегда мечтала выступить на сцене, – доверительно произнесла она. – И почему я не решилась? А сейчас, боюсь, уже слишком поздно...

Август зажмурился.

– «Юнион Плаза».

Две остановки.

– Да, слишком поздно, – бормотала женщина. – Но я по-прежнему мечтаю о подмостках.

И она даже не обращалась к Августу. Монстры не могут лгать, а люди, оказавшись рядом с сунаи, становились честными. Августу не требовалось заставлять их – он предпочел бы заставлять их не открываться, если бы только мог, – они просто начинали говорить правду. И частенько они даже не

осознавали, что делают.

Генри называл это влиянием, но Лео подобрал термин получше: «исповедь».

– «Лайл Кроссинг».

Одна остановка.

– Я так мечтаю...

Исповедь, несомненно, являлась самой нелюбимой из способностей. Лео ею дорожил, поскольку хотел, чтобы все вокруг него озвучивали свои сомнения и страхи, но Август испытывал неловкость.

– А вы мечтаете?

– «Колтон».

Состав затормозил, и Август, выходя из вагона, вознес металлическому голосу безмолвную благодарность.

Северный город казался сюрреалистическим. А Колтон был абсолютно иным. Август никогда еще не бывал настолько далеко от красной зоны. Академию окружала ограда, но, в отличие от Линии, она служила скорее эстетическим целям, нежели функциональным. Академия Колтона устроилась за коваными чугунными воротами, на травянистом склоне холма, а за ней выстроились деревья. Август однажды видел деревья – в чахлом скверике в трех кварталах южнее их компаунда. Но эти были совсем другими. Их было достаточно, чтобы образовать зеленую стену. Нет, лес. Множество деревьев называется именно так.

Однако люди ввергли Августа в еще большее смятение.

Везде, куда ни падал его взгляд, Август видел их – не кадетов ФТФ и не гражданских Северного города, но подростков в синей форме Колтона. Юноши и девушки проходили через ворота или валялись на траве. Август поразился тому,

как непринужденно они болтают и прикасаются друг к другу, цепляются локтями, обнимаются, сидят голова к голове и бедро к бедру. Тому, как они расплываются в улыбках, корчат гримаски отвращения или хохочут. Они выглядели естественными.

И что он тут вообще делает?

Возможно, Лео не ошибся. Надо было позавтракать. Но уже поздно. Август подавил стремление сбежать и попытался напомнить себе, как он хотел выбраться из компаунда. Кроме того, Лео поручился за него. Теперь у Августа есть миссия, не менее важная, чем у остальных спецназовцев, и ее нужно выполнить.

Август заставил себя двинуться вперед, но с каждой секундой ему мерещилось, что сейчас кто-то просканирует насквозь его колтоновскую форму и поймет, что его улыбка – сплошная фальшь и он – не человек. Наверняка ужас отражается на его лице столь же явственно, как и метки на его руках. Внезапно часы, проведенные перед зеркалом, показались ему нелепостью. Как он мог подумать, что способен сойти за одного из них лишь потому, что они ровесники? Эта мысль больно царапнула его. Нет-нет! Они только выглядят как сверстники... хотя нет, надо сформулировать по-другому. Они – обычные люди, появившиеся на свет из материнской утробы, а он пробудился в теле двенадцатилетнего мальчика, и все началось со взрыва, но не взрыва вселенной, а резкого стаккато автоматной очереди, и... тогда повсюду лежали трупы в черных пластиковых пакетах и...

Август замер, тяжело дыша.

Кто-то хлопнул его по плечу, не дружески, а враждебно, и Августа швырнуло вперед. Он удержал равновесие и оглянулся: какой-то парень, широкоплечий и белокурый, неприязненно таращился ему вслед.

– Чего тебе? – огрызнулся Август. Вопрос вырвался у него раньше, чем он успел подумать и промолчать.

Парень развернулся к нему.

– Ты перешел мне дорогу! – прорычал он, схватив Августа за воротник. – Ты считаешь, я позволю вшивому новичку лезть мне под ноги? Это – мой год,

паршивец, и моя школа! – А потом, совсем обескуражив Августа, парень продолжил: – Думаешь, ты можешь меня испугать своим жутким взглядом? Я тебя не боюсь! Мне на тебя наплевать! Я... – Он содрогнулся и притянул Августа ближе к себе. – Я не могу спать. Стоит мне закрыть глаза, и я вижу их!

– Эй! – позвал его другой ученик. – Джек, в чем проблема?

Джек моргнул несколько раз, прищурился и оттолкнул Августа. Второй ученик положил руку Джеку на плечо.

– Не переживай, приятель. Джек очень сожалеет. Он не хотел на тебя срываться.

Голос его звучал приятно и непринужденно.

– Держи его подальше от меня, Колин! – рявкнул Джек и насупился. – Пока я не расквасил твою самодовольную рожу!

– Обязательно, – усмехнулся Колин. – Урод, – пробормотал он, когда Джек понесся прочь.

Август принялся рассматривать Колина. Это был невысокий стройный подросток с треугольным мысиком волос на лбу и открытым приветливым лицом.

– Что, прямо с первого дня спешишь завести друзей?

Август выпрямился, поправил куртку.

– А кто сказал, что я новичок?

Колин расхохотался. Смех его был таким же естественным, как дыхание.

– Чувак, Колтон – маленькая школа, – заявил он, качая головой, – и я тебя никогда прежде не видел. Как тебя зовут?

Август сглотнул.

– Фредерик.

– Фредерик? – скептически переспросил Колин, выгнув бровь.

Август испугался. Может, он выбрал неправильное имя?

– Ага, – медленно произнес он и добавил: – Но ты можешь звать меня Фредди.

Кажется, интуиция его не подвела: он дал правильный ответ. Неужто он прошел тест?

Изменчивое лицо Колина вновь преобразилось: парень буквально просиял.

– Слава богу! – воскликнул он. – Фредерик – как-то чересчур претенциозно! Не обижайся, Фредди. Ты же не виноват.

Они вместе зашагали к главному зданию, но внезапно двое учеников окликнули Колина.

– Ладно, увидимся позже, – сказал Колин и побежал к знакомым, но вдруг остановился и обернулся. – Постарайся никого не разозлить до начала занятий!

Август с трудом изобразил подобие улыбки.

– Спасибо за совет! Постараюсь!

– Имя? – спросила женщина за стойкой регистрации.

– Фредерик Галлахер, – произнес Август, изображая – как он надеялся – очередную нервную улыбку и смахивая челку со лба. – Но лучше просто Фредди.

– Ясно, – протянула женщина, доставая папку с желтой наклейкой на корешке. – Значит, ты – новенький.

Август кивнул, постарался придать лицу выражение максимальной доброжелательности, и – о чудо! – женщина улыбнулась ему в ответ.

– Ты только глянь на себя, – вымолвила она. – Темные волосы. Ласковые глаза. Ямочки на щеках. Тебя у нас съедят.

Август не очень понимал, что она имеет в виду.

– Надеюсь, что нет, – промямлил он.

Женщина рассмеялась. В Колтоне почему-то царило веселье!..

– Но тебе нужно получить карточку-идентификатор, – сказала она. – Пройди в соседний кабинет и отдай сотрудникам верхний лист из твоей папки. Они о тебе позаботятся.

Женщина помолчала и заколебалась: может, она хотела добавить что-то личное, но Август к тому моменту уже поспешно ретировался прочь.

В соседнем помещении, на двери которого висела табличка «На регистрацию», выстроилась очередь. Ученик, стоявший первым, вручил мужчине за стойкой лист бумаги, после чего застыл перед светло-зеленым задником. Он улыбнулся, и мгновение спустя сработала вспышка. Август сжался. Второй новичок повторил ту же процедуру. И третий. Август попятился и выскочил в холл.

Он обнаружил, что толпа учеников уже направлялась к двустворчатым дверям в противоположном конце вестибюля. Август последовал за ними и очутился в просторной аудитории. Тут, видимо, существовала некая негласная система, естественный порядок, понятный всем, кроме него. Ученики рассаживались по своим местам, и Август притиснулся к стене, чтобы никому не мешать.

– Какой год? – раздался женский голос. Август дернулся и увидел преподавательницу в юбке, с кипой папок в руках.

– Третий, – ответил он.

Преподавательница кивнула.

– Вы сидите впереди слева.

Пока Август искал место, аудитория заполнялась подростками – их количество ошеломило Августа и вызвало дурноту. Со всех сторон на него неслись сотни голосов, которые наслаивались друг на дружку, будто музыка, но ритм был неправильным, непохожим на классику – может, смахивал на джаз... Когда Август попытался разобрать нити, аккордов не получилось – только отдельные слоги, смех, бессмысленные звуки и возгласы.

Неожиданно наступила милосердная тишина, и Август, подняв голову, увидел, что на сцене появился мужчина в синем костюме.

– Привет! – поздоровался он, постучав по микрофону. – Я – мистер Дин, директор Академии Колтона. Я хочу поприветствовать ребят, только что поступивших в наше заведение, и остальных учеников, вернувшихся с каникул. Кстати, я думаю, многие даже не заметили, что в наши ряды влились новички... но ничего, сейчас мы исправим неловкую ситуацию и поприветствуем их. Поскольку Колтон – это община, я попрошу новеньких об одном одолжении. Когда вы услышите свое имя, пожалуйста, встаньте – ну а вы, старожилы, пожалуйста, продемонстрируйте, насколько вы рады своим будущим друзьям.

Сердце Августа ухнуло и ушло в пятки.

– Итак, у нас двое новых второкурсников. Марджори Тэн... – Позади Августа поднялась девушка и густо покраснела под обращенными на нее взглядами. Она попыталась сесть обратно, но директор взмахнул рукой. – Прошу вас, постойте, – произнес он. – И Эллис Кастерфельд.

Тощий долговязый парень вскочил и помахал аудитории.

– А теперь займемся третьим курсом. – Теперь сердце Августа затрепыхалось где-то в горле. – Мистер Фредерик Галлахер. – Август с облегчением вздохнул и запоздало сообразил, что Фредерик – как раз и есть его имя. Он сглотнул и встал.

Сидящие по сторонам третьекурсники заерзали и задвигались, пытаясь получше его разглядеть. Августа бросило в жар, и ему захотелось провалиться сквозь пол

и исчезнуть навсегда.

А потом директор произнес ее имя, и Август в каком-то смысле действительно исчез.

– И, наконец, новая ученица выпускного курса, мисс Катерина Харкер.

Аудитория притихла. Все остальное было позабыто, когда в передних рядах встала девушка. Взгляды присутствующих устремились к ней.

Катерина Харкер.

Единственный ребенок Келлума Харкера, «губернатора» Северного города, человека, известного тем, что он коллекционирует монстров, словно оружие.

Вот истинная причина, по которой Август явился в Колтон.

Он вспомнил свой разговор с Генри и Лео.

– Я не понимаю. Вы хотите, чтобы я... пошел в школу? С ней? – спросил Август и недовольно поморщился.

Харкер – враг. И убийца. Катерина была загадкой, но и она ничем не лучше своего отца.

– И что именно я должен буду делать?

– Следить за ней, – просто сказал Лео.

– Она меня сразу заметит, – возразил Август.

– И хорошо, – заявил Лео. – Нам именно это и нужно. Ты должен подобраться поближе.

– Но не увлекайся, – перебил его Генри. – Присмотрись к ней, Август. На случай, если нам потребуются рычаг воздействия...

– По той же причине, по какой ее люди ищут тебя, – объяснил Лео. – Когда перемирие будет нарушено...

– Если перемирие будет нарушено, – поправил его Генри.

– Она может пригодиться.

– Нам ничего о ней неизвестно, – произнес Август.

– Она – дочь Харкера. И он, конечно, о ней заботится.

Август уставился на девушку в первом ряду, которая повернулась к аудитории. Катерина походила на своего отца: худощавая, энергичная, угловатая. Волосы лежали не так, как на фотографии, которую видел Август. Светлые пряди, длиной по плечи, прямые и расчесанные на пробор, закрывали половину лица девушки. Большинство учениц Колтона предпочли надеть с форменными рубашками-поло юбки, но Катерина была в облегающих брюках. Она стояла, небрежно сунув руки в карманы. Соседи Августа принялись перешептываться. Катерина, смотревшая на них холодным, пустым взглядом, пожала плечами и вдруг посмотрела на него.

Конечно, она не знала, кто он такой, но ее темные глаза почему-то оценивающе взглянули на него. На ее губах появилась еле заметная улыбка.

Но директор Дин уже велел новичкам садиться. Август рухнул на стул. Он чувствовал себя так, словно на волосок разминул со смертью.

– А теперь, если вы еще не получили свои идентификаторы, потрудитесь это сделать до конца учебного дня, – продолжал директор. – Вы можете пользоваться карточкой не только для того, чтобы расплачиваться за обед и школьные материалы. Она понадобится вам, чтобы получить доступ в некоторые части кампуса, в том числе в театр, на спортивные объекты и в звукоизолированный музыкальный класс.

У Августа голова пошла кругом. Столовая его не интересовала, спектакли и фитнес – тоже не особо, но место, где можно спокойно играть на скрипке? Это стоило того, чтобы получить идентификатор!

– Дежурный будет заниматься карточками во время обеденного перерыва и полчаса после окончания занятий. – Директор вещал еще пять минут, но Август уже перестал его слушать.

Когда собрание завершилось, людской поток вынес Августа из аудитории в вестибюль.

Августу понадобилось добрых тридцать секунд, чтобы понять: он не знает, куда идти дальше. Он принялся озиаться по сторонам. Куда деваться?

Вестибюль был забит до отказа. Вопли подростков буквально оглушили Августа. Он опасливо отошел к стене и выудил из сумки расписание.

– Эй, Фредерик!

Август оглянулся: Колин пробирался прямо к нему, продираясь сквозь стайку девушек. Его усилия увенчались успехом: Колин поймал Августа за рукав и потянул за собой.

– Я тебя нашел! – Взгляд Колина скользнул вниз и зацепился за отметины на предплечьях Августа. – Вау, клевые татуировки, чувак! Главное, чтобы наш директор их не заметил. Он у нас чересчур строгий. Я как-то нарисовал себе на лице временную татушку – кажется, пчелу, уже не помню, почему, – а он заставил меня ее оттереть. Политика школы, увы!

Август одернул рукава, а Колин уставился на лист бумаги у него в руках.

– Класс! А у нас сейчас английский! По-моему, мы в одной группе – я же видел твое имя в списке. Я проверил все заранее – чтобы знать, с кем доведется столкнуться, чувак.

Август не понимал, то ли это его влияние развязало Колина язык, то ли он всегда был настолько болтливым. В конце концов Август решил, что Колин таким родился.

– Ладно, рванули! – Колин потащил его к двери на лестницу. – Здесь короткий путь, Фредди!

– Куда?

– На английский, ясен пень! Можно плестись через вестибюль, но там же скопление чертовых первокурсников! – заорал Колин. Несколько учеников помладше уставились на него круглыми глазами, а та преподавательница в юбке смерила Колина мрачным взглядом.

– Отправляйтесь в класс, мистер Стивенсон.

Колин подмигнул ей и шагнул на лестничную площадку, придерживая дверь для новичка. Августу оставалось только гадать, то ли ему помогают, то ли его похищают. Но он не хотел опоздать на первый в жизни урок и поэтому поплелся за Колином. За миг до того, как дверь захлопнулась за ними, Августу почудилось, что он увидел Катерину Харкер. Она прошла мимо, а школьники расступались вокруг нее, будто море.

Когда люди вспоминают про свой первый школьный день, они используют выражения вроде «перезагрузка», «новое начало» и всегда подчеркивают, что это шанс проявить себя должным образом.

С точки зрения Кейт, первый день действительно являлся благоприятной возможностью, и она пользовалась этим шансом в каждой из прежних школ. Помимо прочего, длиннющая вереница дней в конце концов и привела ее в Академию Колтона, разве не так?

Значит, именно сегодня она могла задать верный тон и показать себя во всей красе. Она должна произвести впечатление. Сюда же добавлялось еще одно преимущество: она находилась на своей территории. Может, здесь с ней и незнакомы лично, но ведь она давно стала знаменитостью. Так даже лучше. Вот он – прочный фундамент. Теперь можно работать дальше. Через неделю Колтон будет принадлежать ей. (А если она не сможет верховодить в Колтоне, она не заслуживает того, чтобы править городом.)

Если честно, Кейт не особо желала главенствовать в школе или в городе. Она просто не хотела, чтобы Харкер смотрел на нее и видел беспомощную слабачку, девчонку, не унаследовавшую от него ничего, кроме черт лица и цвета волос. Она мечтала, чтобы отец видел в ней человека, заслужившего свое право находиться в И-Сити.

Будь она проклята, если она позволит ему снова отослать ее! Нет уж!

Она вернулась и будет сражаться! Она останется в городе – и точка.

«Я дочь своего отца», – подумала Кейт. Она продефилировала по вестибюлю с гордо поднятой головой. Медальон и металлические ногти поблескивали на свету. Кейт вспомнила про чудовищные блестящие зубы в ролике, и это придало ей сил. Ее провожали взглядами. Шевелились прикрытые ладошками губы. Ученики роились и разделялись, набегали и откатывались, как волны или стая скворцов. Все вместе – по отдельности.

– Их нужно ломать быстро, – однажды заявил ее отец.

Разумеется, он говорил про монстров, а не про подростков, но у них было много общего. И те, и другие – разумны. И те, и другие думали – и действовали – сообща. Города и школы – микрокосмы жизни. Кроме того, Колтон обладал собственной чувствительной экосистемой, как и другие небольшие заведения подобного толка.

Святая Агнесса оказалась самой маленькой из всех – всего-то сто девочек, а в Фишере, в ее первой частной школе, было целых шестьсот пятьдесят учеников. В Академии же Колтона их насчитывалось четыре сотни. Достаточно мало, чтобы сохранять задушевность, но много, дабы гарантировать хоть какое-то сопротивление.

Это же естественно: всегда имелись те, кто желал бросить вызов правящей элите, заявить свои права на авторитет или популярность, или что там им требовалось. Кейт мигом их вычисляла. Бунтари несли разрушение коллективному разуму, и Кейт знала, что с ними нужно будет разобраться как можно скорее.

Ей требовалось лишь одно: правильно поставить себя.

И, к ее удивлению, шанс предоставился ей почти сразу.

Кейт понимала, что про нее будут ходить шепотки. Слухи. Не обязательно плохие. Некоторые из них были почти что пропагандистскими. Идя по коридору, Кейт чуть склонила голову, вылавливая самые громкие из них.

– Я слышал, последнюю школу она сожгла.

– Она сидела в тюрьме.

– Говорят, она пьет кровь, как малхаи.

– Она зарубила одного ученика топором!

– Психопатка.

– Убийца.

Потом она переступила порог кабинета, и до нее донеслось:

– Ее мать свихнулась.

Кейт замедлила шаги.

– Ага, – продолжала девица, достаточно громко, чтобы ее услышала Кейт. – Она спятила и решила покончить с собой – разогнала свою тачку на мосту, и та рухнула в воду.

Кейт положила сумку на стол и принялась рассеянно копаться в ее содержимом, повернувшись здоровым ухом к сплетнице.

– Харкер отослал ее, потому что не мог на нее смотреть. Она напоминала ему покойную жену.

– Заткнись, Шарлотта, – прошептала какая-то девушка.

«Заткнись, Шарлотта», – мысленно повторила Кейт.

Но Шарлотта продолжала вещать:

– Наверняка она тоже чокнутая.

«Нет», – едва не возразила Кейт.

Отец считал, что она слишком молода... и еще слаба, как мать.

Но он ошибался.

Кейт в ярости вонзила ногти в ладони и плюхнулась на стул, уставившись на доску. Она просидела так весь урок, высоко подняв голову. Она ничего не конспектировала и не слышала ни единого слова преподавателя. Ну и пусть! Какая теперь разница!

Кейт не шевелилась и терпеливо ждала своего часа. Когда наконец прозвонил звонок, она последовала за Шарлоттой в коридор.

Каким бы ни был следующий урок, он не мог быть важнее этого.

Шарлотта свернула в ближайший туалет, и Кейт – тоже. Естественно, она заперла дверь на задвижку.

Шарлотта, хорошенькая на свой скучный манер, подправляла макияж возле раковины. Кейт встала рядом и смыла кровь с ладоней. Затем заправила волосы за ухо, продемонстрировав Шарлотте шрам, который тянулся от виска до челюсти. Шарлотта наткнулась на взгляд Кейт в зеркале. Ей хватило храбрости делано усмехнуться.

– Тебе что-то нужно?

– Как тебя зовут? – отчеканила Кейт.

Девушка приподняла обесцвеченные брови и вытерла руки.

– Шарлотта, – ответила она и повернулась, чтобы уйти.

– Нет, – медленно проговорила Кейт. – Как твое полное имя?

Шарлотта подозрительно взглянула на нее.

– Шарлотта Чэпел.

Кейт рассмеялась.

– Чего смешного? – разозлилась Шарлотта.

Кейт хмыкнула.

– Чэпел? Церковь? Я как-то раз сожгла церковь.

Шарлотта поджала губы.

– Чокнутая, – пробормотала она, отходя.

Далеко она не ушла.

Кейт одним движением припечатала ее к стене. Пять металлических когтей легли обидчице на горло. Свободной рукой Кейт достала из кармана зажигалку и нажала на выемку в боку: из гладкого прямоугольника с приглушенным щелчком выскочило серебряное лезвие.

Шарлотта побелела.

– Ты еще ненормальнее, чем я думала! – выдохнула она.

На миг Кейт задумалась, не причинить ли Шарлотте серьезную боль. Не потому, что это послужило бы какой-то цели – вовсе нет! Просто сама идея показалась Кейт весьма неплохой.

Но если ее исключат, все ее старания пропадут впустую.

«Он вышлет вас из Истины. Навсегда».

– Когда директор узнает...

– А разве он что-то узнает? – парировала Кейт, прижимая лезвие к щеке Шарлотты. – Ты ведь ему ничего не скажешь, верно?

Ее тон был ровный и уверенный.

Кейт однажды смотрела документальный фильм про лидеров разных культов и про качества, которые делали их столь эффективными. Самым важным здесь являлось умение поставить себя как командира. Многие считали, что для этого надо сотрясать воздух оглушительными возгласами. Что за чушь, какое заблуждение! Истинный лидер способен управлять стадом, не повышая голоса. Отец Кейт был именно таким. Кейт изучала его в те краткие моменты, когда они были вместе.

Келлум Харкер никогда не кричал.

Значит, и Кейт не будет.

Она чуть-чуть ослабила хватку на горле Шарлотты, поднесла нож к медальону, болтающемуся поверх форменной рубашки девушки, и небрежно постучала лезвием по выгравированной букве «И».

– Я хочу, чтобы ты кое-что запомнила, Шарлотта Чэпел, – произнесла Кейт. – Может, подвеска и защитит тебя от монстров, но от моего ножа она тебя не спасет.

Зазвенел звонок. Кейт отодвинулась и мило улыбнулась. Клинок спрятался в зажигалку, а рука отпустила горло девушки.

– Давай беги, – презрительно и холодно сказала Кейт. – А то опоздаешь на урок.

Шарлотта закашлялась и заковыляла прочь из туалета.

Кейт повернулась к раковине, снова вымыла руки и пригладила волосы. На мгновение она встретилась взглядом со своим отражением. Она увидела за грозовой синевой еще одну свою версию – ту, что принадлежала иной жизни – безмятежному и доброму миру.

Но той Кейт не было места в И-Сити.

Она сделала глубокий вдох, покрутила головой, разминая шею, и отправилась на урок.

Несомненно, она добилась успеха в свой первый школьный день.

Августу полагалось находиться в спортзале.

По крайней мере, третьекурсникам полагалось сейчас находиться в спортзале, и, возможно, там они и были, но благодаря состоянию здоровья – астме, согласно его документам, – Августу разрешили отправиться в библиотеку и поработать самостоятельно.

У Августа не было астмы, зато он мог похвастаться четыреста восемнадцатью отметинами на своем теле. Они заняли всю его руку и уже начали появляться на спине и груди.

Генри опасался, что они будут привлекать внимание.

В общем, вместо спортзала Августу следовало находиться в библиотеке. Но сегодня был первый день занятий, уроков пока не задавали, так что Август отпросился у наблюдающего за порядком дежурного выйти в туалет.

Обратно Август не вернулся.

В данный момент он застыл у двери кабинета, где выдавали личные карточки.

По пути он пытался придумать легенду, которая объясняла бы его нежелание фотографироваться.

Например, он читал про племя, члены которого верили, что камера крадет их души. Может, подобная отговорка сойдет?...

Но Августу повезло: кабинет оказался пуст. Свет горел, и когда Август попытался повернуть ручку двери, выяснилось, что она не заперта. Август нервозно огляделся, шагнул через порог и прикрыл дверь за собой. На экране компьютера по-прежнему красовалась форма карточки, и Август вбил в нее данные.

«Фредерик Галлахер, 16, третий курс, пять футов десять дюймов, черные волосы, серые глаза».

Пустой прямоугольник ожидал недостающей информации. Август напрягся, сглотнул, нажал на кнопку отсроченной съемки и застыл перед светлым задником. Он посмотрел прямо в объектив камеры. Сработала вспышка. Август моргнул, задержал дыхание, обогнул стойку – и когда он увидел фотографию на экране, сердце у него упало.

Выражение лица показалось ему рассеянным, зато подбородок, рот, нос, скулы были самыми заурядными. Обычный мальчишка – во всем, кроме глаз. Там, где полагалось находиться глазам, зияли черные пятна. Как будто кто-то нарисовал портрет Августа углем, после чего замалевал область глаз.

«Сунаи, сунаи, глаза словно угли», – пропел голосок у него в голове.

У Августа заныло под ложечкой.

«Переделать?» – предложил компьютер.

Август нажал «Да». На сей раз он смотрел не в объектив, а чуть выше камеры. Безрезультатно. Черные пятна никуда не исчезли. Август предпринимал одну попытку за другой, перемещая взгляд то левее, то правее, то выше, то ниже. Пятна смещались, иногда они даже светлели, но никуда не пропадали.

У него ничего не получалось, но он пробовал еще и еще... Многочисленные вспышки изводили его: Август жмурился и кусал губы, а камера продолжала фиксировать лицо с непроницаемыми черными дырами вместо глаз.

Теперь на его лбу появилась морщинка, признак раздражения. Августу нельзя было переживать. Ему следовало знать, что никакие трюки не сработают, но он надеялся... на что?

«На шанс поиграть в то, что ты человек?» – поддел его голос брата.

«Споет он и душу твою украдет».

Август тряхнул головой.

«Взрыв».

Слишком много голосов.

«Повторить?» – предложил компьютер.

Август нацелился на «Нет», но почему-то нажал на «Да». Еще разок. Он встал перед задником и приготовился к неизбежной вспышке, к разочарованию и к полному провалу своей миссии. Но вспышки не было: Август услышал только тихий щелчок камеры.

Август с колотящимся сердцем кинулся к экрану.

У него перехватило дыхание.

Монитор показывал подростка, который стоял, засунув руки в карманы. Парень не смотрел в камеру. Веки его были наполовину опущены, голова повернута, черты лица смазаны – камера поймала его в движении. Но это был он! Без черных пятен. Без жутких невидящих глаз.

Август судорожно дернулся и нажал на «Печать». Через тридцать секунд принтер выплюнул его идентификационную карточку. Август несколько долгих мгновений с замиранием сердца смотрел на фотографию, затем сунул карточку

в карман и выскользнул из кабинета в тот самый миг, когда звонок возвестил начало обеденного перерыва.

Он уже был на полпути к своему личному шкафчику, когда кто-то позвал его по имени.

То есть окликнули, конечно, новенького – Фредди.

Он обернулся и обнаружил Колина. Рядом с ним стояли парень и девушка.

– Алекс, Сэм, это Фредди, – представил его Колин. – Фредди, это Алекс и Сэм.

Август не понял, кто – Алекс, а кто – Сэм.

– Привет, – сказал один из спутников Колина.

– Привет, – подхватила вторая.

– Привет, – пробормотал Август.

Колин обнял его за плечи – а это было не так просто, учитывая, что Колин был на шесть дюймов ниже.

Август напрягся от внезапного контакта и затаил дыхание.

– У тебя видок какой-то несчастный.

Август собрался возразить, но Колин ему помешал.

– Есть хочешь? – весело спросил он. – Я умираю с голоду. Давай перекусим.

– ...у меня мурашки побежали.

– ...вечеринка на выходных...

– ...ну и ужас!

– ...Джек и Шарлотта фигурируют?

Август уткнулся носом в свою тарелку.

В столовой царил хаос. Стук подносов и смех – как стаккато или стрельба. Но Август старался не думать о шуме и сосредоточился на зеленом яблоке, которое он вертел в руках. Яблоки ему нравились, но не из-за вкуса, а из-за тактильных ощущений, которые они вызывали. Прохладная гладкая кожица, увесистость. Но Август чувствовал, как Сэм – как выяснилось, это девушка – поглядывает на него, поэтому он поднес яблоко ко рту и откусил немного, стараясь не кривиться.

Август мог есть. Но не любил. Процесс не был отвратительным, но...

Люди разговаривали о декадансе шоколадного торта, о сладости персика, об утробном наслаждении хорошим стейком. Для них всякая еда являлась переживанием.

Для Августа любая пища была одинаковой – совершенно безвкусной.

– Вся понятно. Это же человеческая еда, – сказал однажды Лео.

– Я – человек, – буркнул Август.

– Нет, – не согласился его брат. – Ты – нет.

Август знал, что он имеет в виду.

«Ты больше чем человек». Но он не чувствовал себя сверхчеловеком.

Кто он? Самозванец.

Однако Август ощущал музыку так, как другие люди ощущали еду. Он мог наслаждаться каждой нотой, пробовать на вкус мелодию. От этой мысли у него

начало покалывать отметины, а пальцы заныли, так им хотелось прикоснуться к скрипке. Напротив него Колин рассказывал какую-то историю. Август не слушал, но он наблюдал. Когда Колин говорил, по его лицу проходила акробатическая процессия разнообразных выражений, постоянно сменявших друг друга.

Август наконец прожевал мякоть, проглотил ее и положил яблоко на стол.

Сэм подалась вперед.

– Ты не голоден?

Прежде чем Август успел продемонстрировать ей половину сэндвича, его спас Колин.

– А я никогда не наедаюсь! – сообщил он с набитым ртом. – Практически всегда остаюсь голодным!

Сэм закатила глаза.

– Я заметила.

Парень по имени Алекс подцепил кусочек фрукта.

– Итак, Фре-де-рик, – проговорил он, подчеркивая каждый слог. – Колтон получил свежую кровь. Тебя выставили из какой-то другой академии?

– Кстати, ее вроде бы вышвырнули вон! – встрял Колин, не упомянув, кого именно выгнали.

– Это не единственная причина, по которой меняют школу, – заявила Сэм, повернувшись к Алексу. – Если тебя исключили, то...

– А еще бывает переход по собственному желанию, – продолжал Алекс, перебивая Сэм. – Ну что, Фредерик? Исключение? Переход? Грохнул учителя?

– Нет, – машинально ответил Август и добавил ровным тоном: – Я был на домашнем обучении.

– Неудивительно, что ты такой тихоня.

– Алекс! – возмутилась Сэм и пнула его под столом. – Как невежливо!

– Чего? Я бы мог сказать «странный».

Второй пинок.

– Ничего страшного, – сказал Август, изобразив улыбку. – Я просто не привык, что вокруг столько народа.

– Где ты живешь? – спросил Колин, набив рот спагетти.

Август опять принялся терзать яблоко, чтобы с его помощью задвинуть обратно рвущиеся из горла слова. За эти украденные секунды он отсортировал варианты и выбрал правильный ответ.

– Недалеко от Линии, – произнес он.

Алекс присвистнул.

– В красной зоне?

– Да, – подтвердил Август, – но это Северный город, и там...

– Опасно, только если ты без жетона, – договорил за него Колин, постучав пальцем по своему медальону с выпуклым рисунком.

Сэм прищурилась.

– А я слыхала, в красной зоне творятся скверные вещи. Даже с теми, кто под защитой Харкера.

Алекс быстро оглядел столовую.

– Смотри, чтобы она тебя не услышала. А то папочке проболтается.

Колин пожал плечами и принялся рассказывать про концерт – кажется, у Колина мысли перепрыгивали с одного предмета на другой еще быстрее, чем у Августа.

Сам же Август успел проследить за взглядом Алекса. Катерина сидела за столом в одиночестве, но не выглядела забитой или неуверенной в себе. На губах ее играла легкая вызывающая улыбка, как будто ее все устраивало, и то, что ее избегали, являлось очередным признаком ее превосходства.

Август ее не понимал.

– Валим отсюда, Фредди!

Август смотрел, как она ест – медленно, без интереса, – как подцепляет металлическим ногтем свою подвеску, как встает.

– Фредди!

Потоки в столовой сместились, взгляды устремились к ней. Но Кейт, похоже, была не против. Она с высоко поднятой головой отнесла свой поднос и вышла.

– Чувак, где ты витаешь?

Август вздрогнул.

– Что? Извините.

– Концерт. Суббота. Хочешь присоединиться?

– Никто из нас не пойдет! – оборвала его Сэм, избавив Августа от необходимости отвечать. – Комендантский час, Колин! Это же практически Пустошь!

– А мы не хотим умереть, – добавил Алекс, пародируя тон Сэм, и всплеснул руками.

– Мама с меня шкуру сдерет, – проворчала Сэм, проигнорировав Алекса.

– Если только ее не опередит какой-нибудь корсаи, – поддел ее Алекс.

Сэм испуганно посмотрела на него и ткнула Алекса в плечо.

– Ай!

– Я тут подумал, – затараторил Колин, наклоняясь над столом, – что жизнь коротка – ну, понимаете? – Голос его был негромким, заговорщическим. Странно, но Колин каким-то образом заставлял Августа чувствовать, будто он не новичок, а завсегдатай Колтона.

– В общем, нам незачем бояться!

Август поймал себя на том, что согласен с Колином, хотя большую часть своего существования он потратил на многочисленные страхи.

Он боялся себя и других, боялся измениться или стать кем-то иным, или вовсе исчезнуть...

– Точно! – вмешался Алекс. – Жизнь коротка, а может стать еще до фига короче, если шастать по ночам.

У Колина ехидно дернулся уголок рта.

– А Фредди не боится монстров, правда?

Август замешкался. Но ему и не пришлось отвечать.

– Я однажды видел одного, – выпалил Колин.

– Ты?...

– И что ты сделал?

– Ясен пень – удрал со всех ног.

Август рассмеялся. Это было приятно.

А потом, между двумя укусами яблока, начался голод.

Он всегда начинался как сущий пустяк.

Как миг перед началом простуды, как краткое мгновение одурманенности – некое предупреждение, что лихорадка надвигается. А если начнешь вдумываться – это щекотка? – у меня действительно дерет горло? – давно я начал шмыгать носом? – то тебе сразу станет хуже.

Август попытался сгладить приступ пронзившей его паники.

«Не обращай внимания, – приказал он себе. – Разум выше тела». Оно, конечно, так – пока голод не распространится с тела на разум... и вот тогда у него, у Августа, будут настоящие неприятности.

Август сосредоточился на дыхании, прогоняя кислород через горло и легкие.

– Эй, Фредди! Что с тобой? – спросил Колин, и Август понял, что вцепился в край стола. – Тебе плохо, чувак?

– Угу, – согласился Август, рывком поднялся на ноги и едва не упал, потеряв равновесие. – Я... мне надо проветриться.

Август закинул сумку на плечо, смахнул в отходы остатки ланча и потащился к выходу. Ему было не важно, куда идет – главное, что прочь отсюда.

Через несколько минут он обнаружил себя за школой. В отдалении виднелся зеленый строй деревьев. Воздух был прохладным, и Август принялся жадно глотать его ртом.

– Все в порядке, все в порядке, – повторял Август, прежде чем осознал, что он здесь не один.

Кто-то кашлянул. Обернувшись, Август увидел Катерину Харкер.

Она стояла, прислонившись к стене здания, и в пальцах дымилась сигарета.

– Скверный день?

Кейт хотелось немного покоя. Ей надо отдышаться и подумать. На время затаиться.

Слова Шарлотты до сих пор жгли ее.

«Ее мать свихнулась. Она спятила и решила покончить с собой – разогнала свою тачку на мосту, и та рухнула в воду».

Эти фразы всколыхнули ее сознание, пробудили в Кейт воспоминание – и не одно, целых два.

Два разных мира, где жили две копии Кейт.

Одна Кейт лежала на зеленой траве в какой-то сельской глуши. Вторая распростерлась на асфальте, и ее окружала звенящая тишина.

Кейт рассеянно коснулась шрама под волосами, провела металлическим ногтем вокруг изгиба уха. Это дезориентирует, когда способен почувствовать, но не можешь услышать царапанье ногтя по коже.

Внезапно дверь распахнулась, и на крыльцо вывалился какой-то парень. Кейт опустила руку. Мальчишка выглядел сбитым с толку и, похоже, плохо себя чувствовал, и Кейт не могла его за это упрекнуть. Он вышел из столовой, а это

место любого могло поставить в тупик.

– Скверный день?

Паренек испуганно вскинул голову, и Кейт узнала его. Новенький с третьего курса. Вблизи он смахивал на голодную бездомную собаку, а не на ученика Академии Колтона. У него были выразительные серые глаза и копна растрепанных черных волос, а его кости так и выпирали из-под кожи.

Кейт смотрела, как он открыл рот, закрыл, опять открыл и выдавил:

– Угу.

Кейт стряхнула пепел с сигареты и выпрямилась во весь рост.

– Ты новенький, да?

Черная бровь приподнялась.

– Как и ты, – парировал он.

Такой ответ застал ее врасплох. Кейт ожидала, что он примется мямлить или подлизываться. А он смотрел на нее в упор и говорил хоть и негромко, но ровным тоном.

Может, он и не дворняжка.

– Катерина, да?

– Кейт, – поправила она. – А ты Фредерик?

– Фредди, – уточнил он.

Кейт сделала затяжку. Нахмурилась.

– Ты не похож на Фредди.

Парень пожал плечами. Несколько секунд они стояли, оценивающе глядя друг на друга. Момент затянулся, взгляд вызывал все больше неловкости – наконец парень отвел глаза и уставился в землю. Кейт победно усмехнулась. Она указала на тротуар, окаймляющий газон:

– Что привело тебя в мой кабинет?

Парень озадаченно огляделся по сторонам, как будто действительно вломился куда-то без разрешения.

– Вид, – расплывчато произнес он.

Кейт криво ухмыльнулась.

– Неужто?

Фредди покраснел.

– Я не про тебя, – поспешно добавил он. – Я про деревья.

– Вау! – сухо откликнулась Кейт. – Спасибо. Мне предлагается конкурировать с сосной и дубом?

– Не знаю, – признался Фредди, склонив голову набок. – Но они такие классные!

Кейт заправила волосы за ухо и перехватила взгляд Фредди. Но он не задержался на шраме. На щеках парня играл румянец, но это не было смущением.

Вероятно, ему и впрямь нездоровилось.

– Предлагаю тебе кресло, – вымолвила Кейт, стряхивая пепел на асфальт.

– Ничего-ничего, – сказал парень, привалившись к стене. – Мне просто нужно подышать свежим воздухом.

Его грудь опускалась и вздымалась. Взгляд серых глаз был прикован к низкой гряде облаков. Его глаза притягивали к себе: в них таилось нечто недоступное и далекое – и одновременно чуть ли не родное.

«Интересно, где он сейчас?» – подумалось Кейт, и вопрос едва не сорвался с ее губ.

– Держи, – она протянула ему сигарету. – Она тебе не помешает.

Но Фредди отмахнулся.

– Нет, спасибо. Эти штуки убивают.

Кейт беззвучно рассмеялась.

– Как и множество других вещей.

Печальная улыбка.

– Верно.

Зазвенел звонок. Кейт усмехнулась.

– Пока, Фредди! Как-нибудь увидимся.

– Мне следует записаться на прием? – спросил он.

Кейт махнула рукой.

– Мой кабинет всегда открыт.

А затем она затушила сигарету и вошла в здание.

К концу дня Кейт сделалась неприкосновенной.

Слух про ее стычку с Шарлоттой в женском туалете разлетелся по всей школе – во всяком случае, среди учеников выпускного курса. Большинство предпочли держаться в сторонке – они замолкали, когда она проходила мимо, но некоторые избрали другую тактику.

– Мне нравятся твои волосы.

– У тебя прекрасная кожа.

– Потрясающие ногти. Это металл?

Будущая свита бесила Кейт даже сильнее, чем Шарлотта. Они видели, как люди ползали у ног ее отца, пытаясь мольбами, жульничеством и пресмыкательством проложить путь к его милостям. Отец однажды сказал ей, почему он предпочитает монстров. Чудовища являлись гнусными, отвратительными тварями, но не имели ни особого интереса, ни таланта к выпрашиванию услуг. И они не лгали. Они были голодны, но голод – ничто по сравнению с амбициями.

– Мне никогда не приходится догадываться, чего они хотят, – заявил он. – Они не умеют врать.

Кейт ненавидела монстров, но когда половина школы принялась избегать ее, а вторая половина – искать, как бы к ней подлизаться, она начала понимать, в чем притягательность чудовищ.

Она чувствовала себя донельзя измотанной, и когда прозвенел последний звонок, Кейт с облегчением вздохнула.

– Меня не исключили, – сообщила она Маркусу, который стоял возле черного седана.

– Это чудо, – бесстрастно откликнулся водитель, распахивая перед Кейт дверцу автомобиля.

Когда машина выехала с территории Колтона и двинулась в сторону дома, Кейт, укрывшись за тонированным стеклом, позволила холодной усмешке соскользнуть с ее лица.

Дом.

К этому словечку нужно было привыкнуть.

Харкеры жили на самом верхнем этаже небоскреба, некогда называвшегося Оллсвэй-Билдинг, а теперь известного как Харкер-Холл, поскольку с некоторых пор здание принадлежало ее отцу целиком и полностью. Маркус остался в машине, а двое охранников в темных костюмах открыли стеклянную дверь и препроводили Кейт внутрь. Классическая музыка витала в воздухе подобно аромату духов – в малых дозах приятно, а в больших – задыхаешься.

Местечко было декадентское: вестибюль с высоченным сводчатым потолком, мраморный пол, стены из белого камня с золотой отделкой и хрустальные люстры.

Кейт читала научно-фантастический роман про блистательный город будущего, где все было эффектным снаружи, но прогнившим изнутри. Как испорченное яблоко. Иногда Кейт думала, уж не читал ли ее отец эту книгу тоже? Если да, то он явно не осилил ее до конца.

Темный Костюм топал за ней шаг в шаг, пока она пересекала вестибюль, битком набитый мужчинами и женщинами в роскошных нарядах. Многие надеялись на аудиенцию у Харкера. Некая красотка в кремовом платье попыталась всучить Кейт конверт с деньгами, но не сумела обойти охранника. А жаль. Кейт могла бы принять взятку. Не то чтобы деньги как-то повлияли на отца, но было бы занятно за ним понаблюдать.

Кейт продефилировала к золоченому лифту, строго глядя перед собой. Лишь там она остановилась и изобразила намек на улыбку.

«Люди – потребители. Вот в чем заключается абсолютная истина. Используй их или они используют тебя».

Еще одна заповедь из пособия Келлума Харкера о том, как оставаться на вершине горы.

И действительно, Келлум Харкер пребывал наверху, или, по крайней мере, прокладывал свой путь наверх очень долго. Он умел хорошо делать три вещи: обзаводиться друзьями, наживать себе врагов и копить деньги (в основном – незаконно). Задолго до Феномена и наступления хаоса, до войн за территорию и договора о перемирии Харкер уже стал своего рода королем. Не внешне, нет – данный титул принадлежал Флиннам. Но если всякий город – это айсберг, то подлинная мощь его скрывается в глубине, верно. И даже в те времена половина И-Сити была в кармане у Харкера. Поэтому когда тени принялись отращивать себе клыки, а соседние территории перекрыли границы и панический ужас погнал людей прочь (причем те, кто жил за пределами города, выдворили беженцев обратно), Харкер мог сказать, что ему сказочно повезло.

Он оказался на коне.

У него, конечно, имелась очередная концепция, в которой нашлось местечко и для монстров. Сама она звучала просто и незатейливо: следуй за Флинном и живи в страхе – или будь с Харкером и плати за безопасность.

Выяснилось, что люди готовы заплатить – и немало.

Пентхаус Харкера был минималистичным и элегантным: мрамор и стекло перемежались с дорогим темным деревом и сталью. Слуги и охранники здесь появлялись только по мере необходимости. Апартаменты были холодными, полными острых углов. Неподходящее место для семьи.

Они жили здесь, в пентхаусе, вдвоем, в те краткие месяцы между началом перемирия и аварией. Но когда Кейт ныряла в воспоминания, образы почему-то перемешивались: простор полей и деревья в отдалении, битое стекло и скрученный металл.

Не важно.

Но теперь она здесь – и пентхаус тоже принадлежит ей.

– Эй! – позвала Кейт.

Никто не ответил.

Ладно. Кейт не ожидала теплого приема в духе «как прошел день, солнышко?».

Семьей с рекламного снимка они никогда и не были. Личный кабинет отца примыкал к пентхаусу, но с тем же успехом он мог располагаться в его собственных апартаментах, в личной вселенной Келлума Харкера. Массивная дверь оказалась закрыта, и когда Кейт прижалась к двери здоровым ухом, она услышала лишь негромкий гул. Звукоизоляция. Кейт отвернулась и начала изучать лофт.

За огромными панорамными окнами можно было любоваться небоскребами, на которые падали лучи заходящего солнца. Но Кейт нажала на панель на стене, и помещение озарилось рассеянным искусственным светом. Второе нажатие – и тягостную тишину заполнила музыка, струящаяся из динамиков. Кейт повела пальцем вниз, не сводя глаз с двери в отцовский кабинет.

Громкость росла, пока звук не начал вибрировать у нее в груди. Пустой лофт словно запульсировал. Шаги Кейт заглушил грохот ударных. Кейт прошествовала на кухню, взобралась на высокий табурет возле стола и расстегнула молнию сумки. Нагрузка в Колтоне была устрашающей, но Кейт провела несколько лет в закрытых школах, где только и знали, что засыпать учеников заданиями. Среди бумаг она обнаружила буклет университетских подготовительных курсов, озаглавленный «Жизнь после Колтона» и предлагавший множество вариантов (большинство из них – в Истине, хотя имелось кое-что и за пределами города). Границы приоткрыли пару лет назад на строго оговоренных условиях. Их территория по-прежнему оставалась опасной зоной с карантинным кодом 53 – «Другое», – но Кейт догадывалась, что у некоторых учеников Колтона были связи, и они-то наверняка могли заполучить разрешение на выезд и приглашение в университет.

Да и соседние территории жаждали попользоваться лучшими умами Истины, хотя и не хотели сталкиваться с их монстрами.

Кейт отшвырнула буклет в сторону.

На мраморной столешнице валялась груда новеньких медальонов, тяжелых дисков с отчеканенной на лицевой стороне витиеватой буквой «И». Кейт рассеянно повертела подвеску в пальцах. Железо. Монстры не любили его, но не металл покупал безопасность. Нет – безопасностью занимался исключительно

Харкер. Всякий мог повесить на шею железку и надеяться на лучшее, зато «безделушки» были уникальны.

На обратной стороне медальона был выгравирован номер. Он соответствовал – или предполагалось, что он должен соответствовать – конкретному человеку. В бухгалтерском отделе в офисе отца велся строгий учет каждой живой душе, покупающей защиту от тварей, поджидающих во тьме. Не потому, что монстры боялись металла.

Чудовища как раз трепетали перед Харкером.

Кейт щелкнула пальцами и запустила вытянутый кругляш волчком, глядя, как одна сторона сменяется другой.

Нет подвески – нет защиты.

Таков закон Харкера.

Когда диск закачался, Кейт ощутила движение у себя за спиной. Она не слышала его – при таком-то буйстве стереосистемы! – но по вставшим дыбом волоскам на шее мгновенно поняла, что она не одна.

Ее рука скользнула по краю столешницы и легла на пистолет, приклеенный скотчем к граниту. Когда медальон упал, Кейт уже стояла, вскинув оружие со снятым предохранителем.

Кейт взглянула сквозь прицел и обнаружила кроваво-красные глазища, которые таранились на нее.

Слоан.

Шесть лет назад Кейт приехала домой, в И-Сити, к отцу, и обнаружила рядом с ним Слоана. Любимчик малхаи в сшитом на заказ костюме выглядел почти что человеком. У него был тот же рост, что у Келлума Харкера, хоть и не его сложение, и такие же глубоко посаженные глаза (только у Харкера они сияли синевой, а у Слоана горели багровым огнем).

Но если Харкер был могуч, как бык, то Слоан походил на призрака – темные кости скелета практически просвечивали сквозь тонкий пергамент кожи. Слоан казался больным.

«Нет, – подумала Кейт, – он похож на мертвеца. Прямо труп в холодный день».

На левой щеке монстра была выжжена буква «Х» – точно такого же размера и формы, что и на кольце колледжа. Отец носил это кольцо на левой руке, выше обручального.

Тонкие губы Слоана раздвинулись, обнажая острые акульи зубы.

«Малхаи, малхаи – коварство и ложь, улыбка быстра и остра, словно нож. Он кровь твою выпьет, тогда ты умрешь».

Слоан что-то сказал, но Кейт ничего не расслышала. Да она и не хотела его слышать. Голос Слоана был каким-то неправильным – не хриплым, не рычащим, а тихим и приторным. Кейт никогда не видела, как малхаи питается, но вполне могла вообразить себе Слоана, вымазанного кровью с ног до головы и воркующего нечто тошнотворно-сладенькое.

– Погромче, – произнесла она одними губами, надеясь, что малхаи уберется восвояси.

Однако Слоану все было нипочем. Он коснулся панели на стене своим заостренным ногтем, и грохот ударных схлопнулся.

Воцарилась тишина.

Кейт не опустила пистолет. Кстати, какие в нем пули? Серебряные? Железные? Свинцовые? Главное, чтобы проделали дыру.

– Ты вернулась совсем недавно, – прошелестел Слоан.

Кейт пришлось напрячься, чтобы разобрать фразу, хотя у нее уже имелся готовый ответ.

Она мрачно усмехнулась.

– И что?...

– Ты намерена меня застрелить? – осведомился Слоан.

Он крадучись шагнул вперед, и его красные глаза игриво вспыхнули.

– Я как раз над этим раздумываю, – отчеканила Кейт.

Неожиданно она ощутила тяжесть пистолета и, опустив взгляд, обнаружила, что рука Слоана покоится на стволе.

Кейт стиснула губы. Такие они, малхаи: грациозные и неторопливые, пока не наносят удар.

Слоан прищелкнул языком.

– Дорогая моя Кейт, – промурлыкал он. – Я тебе не враг.

Его пальцы коснулись ее кожи. Они были холодными и скользкими, как у рептилии, и Кейт невольно выпустила пистолет. Слоан аккуратно положил оружие на стол.

– Полагаю, сегодня все обошлось без проблем?

Кейт указала на себя:

– В целости и сохранности.

– А школа?

Он еще ведет светскую беседу!

– Нормально, – буркнула она.

Температура на кухне падала, как будто Слоан высасывал из помещения тепло.

– Ты сегодня рано встал.

– Вампирская шутка. Как оригинально! – проговорил Слоан.

Малхаи никогда не улыбался, но перенял холодный юмор ее отца.

Только корсаи были истинными детьми ночи. Они не переносили дневной свет. Малхаи пили кровь и набирались сил после полуночи, однако не являлись «классическими» вампирами, не бежали от креста и не сгорали в лучах солнца. Впрочем, металлическая пуля вполне могла их утихомирить.

Кейт заметила, что Слоан покосился на груду медальонов и дернулся, после чего демонстративно повернулся к панорамным окнам, за которыми пылал закат.

У Кейт имелась своя теория насчет Слоана. Она считала, что он не просто слуга Харкера, а его собственный малхаи. Результат ужасного преступления, некое последствие – как тот корсаи в просмотренном ею ролике. Монстр, возникший в кильватере Харкера. Но кого он убил, чтобы сотворить Слоана? И как долго малхаи находился рядом с отцом, пока Кейт не было дома?

Кейт отчаянно захотелось вогнать монстру в грудь серебряный кол. Так вроде поступали в прошлом.

Ее взгляд скользнул к клейму на щеке малхаи.

– Слоан, можно тебя кое о чем спросить?

– Да?

– Что тебя заставило стать любимой зверушкой моего папочки?

Малхаи оцепенел, а Кейт продолжала:

– Ты научился особым трюкам за время моего отсутствия? Лежать? Сидеть? Приносить подачку?

– Я владею лишь одним трюком, – отозвался Слоан, воздев костлявую руку над головой Кейт. – Я умею слушать.

Он щелкнул пальцами возле ее оглохшего уха.

Кейт потянулась за пистолетом, но Слоан ее опередил.

– Эй! – предостерегающе произнес он, помахивая оружием. – Давай-ка по-честному.

Кейт вскинула руки и отступила на шаг.

– Полагаю, если ты будешь себя хорошо вести, то Харкер когда-нибудь признает и тебя, – мечтательно пробормотал Слоан. – Как ты думаешь, Кейт?

Август чувствовал себя паршиво.

Когда он плюхнулся на сиденье в вагоне метро и закрыл глаза, все его четыреста восемнадцать отметин зудели. Пульс грохотал в ушах вместе с отдаленным эхом выстрелов. Август никак не мог расслабиться: но это было все равно что не чесаться, когда тело ноет и зудит после бесчисленных комариных укусов.

– Как ты мог?! – крикнула женщина, стоявшая с другой стороны прохода. Она наклонилась к своему спутнику, который уткнулся в планшет.

Мужчина не поднял головы, и тогда она врезала по экрану.

– Лесли!

– Я с ней работаю!

– Ты действительно хочешь выяснять отношения здесь и сейчас? – прорычал мужчина. – Ладно, давай подытожим.

– Урод!

– Значит, Эрик, Гарри и Джо, но мы не считаем тех, кто тебя не хотел...

Женщина влепила ему пощечину – да так, что звук удара разнесся по всему вагону. Август едва не прикрыл себе уши ладонями.

Пассажиры с любопытством уставились на ссорящуюся парочку. Август сглотнул. Его влияние ширилось. Оно исходило от него, будто жар. Неподалеку от Августа какой-то мужчина начал всхлипывать.

– Я виноват, только я один! Но я не собирался поступать подобным образом...

– Стерва!..

– Оно того не стоило...

– Надо мне было уйти.

– Я один виноват...

В вагоне стало шумно. Август вцепился в сиденье побелевшими костяшками пальцев и принялся считать, сколько станций осталось до Линии.

– Ты как? – спросила Пэрис, когда он ввалился в ее квартиру.

Интуиция никогда не подводила Пэрис.

– Жив, – прохрипел Август, меняя блейзер на спецназовскую куртку.

Пэрис погладила его по щеке.

– Ты горячий.

В такие моменты его кости действительно нагревались, а кожа натягивалась чересчур туго.

– Угу.

Лестница была благословенно холодной и темной, и в глубине души Августу захотелось просто лечь на сырой пол и отключиться, однако он продолжал плестись по туннелю. Когда он выбрался наружу, ему еще предстояло преодолеть несколько кварталов на юг, чтобы дойти по раздолбанным улицам до компаунда.

В лифте он увидел свое отражение и постарался пригладить волосы и привести в порядок лицо. Он выглядел осунувшимся, но, к счастью, признаки болезни еще не проявились.

Генри встретил его на пороге.

– Август! – укоризненно воскликнул он. – Почему ты не позвонил? Мог бы послать сообщение!

– Извини, – пробормотал Август.

– Как ты, Август? Как ты себя чувствуешь?

Господи, опять начались ненавистные вопросы!

– Скоро буду в порядке, – буркнул он.

Он не врал. Со временем все обязательно уладится.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Перевод М. Смирновой. (Прим. пер.)

Купить: https://tellnovel.com/ru/shvab_viktoriya/eta-svirepayaya-pesnya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)